

[Polaris]

Михаил ПРУССАК

ГОСТИ ЗЕМЛИ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

VII

Salamandra P.V.V.

**Михаил
Пруссак**

**ГОСТИ
ЗЕМЛИ**

Salamandra P.V.V.

Пруссак М. С.

Гости Земли. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 78 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. VII).

Падение в Лос-Анджелесе снаряда с марсианами на борту застало человечество врасплох – ведь люди давно решили, что никакой жизни на Марсе нет и быть не может.

Очень скоро гости Земли, совсем не похожие на людей, стали участниками земных политических игр...

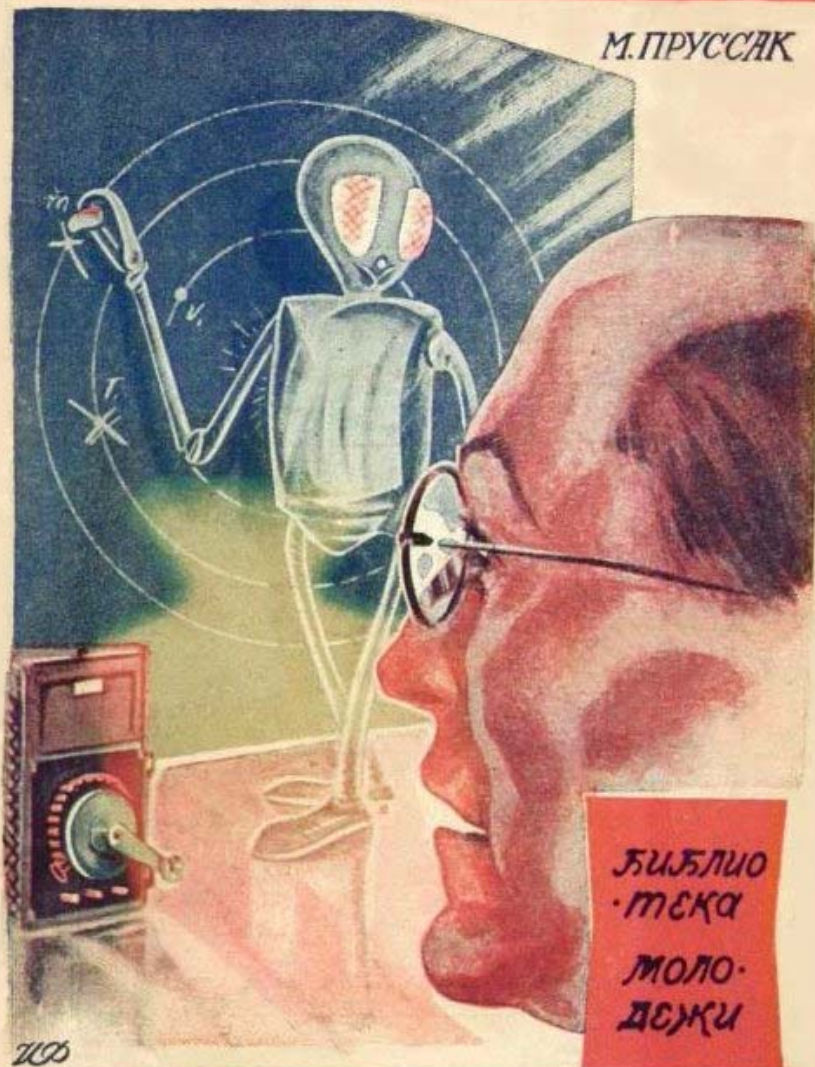
Единственная научно-фантастическая повесть М. Пруссака, увидевшая свет в 1920-е гг. – и ядовитая критика американских нравов и капиталистической идеологии, и оригинальная вариация на тему «красного Марса».

© Автор

© Salamandra P.V.V., оформление, 2013

ГОСТИ ЗЕМЛИ

М. ПРУССАК

Библиотечка
Молодежи

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1977

ГОСТИ ЗЕМЛИ

I

В день кратчайшего противостояния Марса от Земли, 11 августа 1924 года, земными астрономами и физиками была совершена настойчивая, но, как известно, оставшаяся безрезультатной попытка войти в сношение с предполагаемыми культурными обитателями Марса.

На отброшенные в мировое пространство по направлению к Марсу световые лучи, предложенные американским физиком Гернбеком, не последовало никакого ответа. Напрасно на величайших астрономических обсерваториях Земли ждали световых ответных знаков на поверхности Марса, чтобы убедиться в получении марсианами земной депеши: Марс остался безответным.

Среди астрономического мира снова начало преобладать мнение, что Марс по своим климатическим и метеорологическим условиям неподходящая для высокоорганизованной жизни планета.

Незначительное количество получаемой Марсом солнечной теплоты недостаточно для проявления жизни, какую мы знаем у себя на Земле.

Гипотеза о проведении каналов на Марсе разумными существами и в частности работы Меланковича, старавшегося доказать существование на Марсе высокоорганизованных существ, является плодом досужих вымыслов. Каналы на Марсе — результат природных процессов. Снежные области у полюсов Марса, нужно предполагать, представляют собою не обычные снег и лед земной воды, а замерзшую в страшном холоде полюсов разреженную атмосферу Марса.

Выяснилось окончательно, что средняя температура Марса на много градусов ниже нуля. Этим самым

отпадает первое и необходимое условие для проявления жизни.

Конечно, может быть, что для проявления жизни и необязательно наличие протоплазмы, но мы с трудом можем представить себе такой случай. Тогда вообще нужно до бесконечности расширить понятие жизни! все так или иначе организованное — одновременно и живое.

Одним словом, победило мнение, что на вопросе о населенности Марса высокоразвитыми организмами нужно поставить крест. Если и ожидать, что на соседних с Землей планетах существует органическая жизнь, то скорее всего на Венере с ее избытком тепла и туманов, скрывающих поверхность этой планеты, и атмосферой, какая когда-то была на Земле, в пору зарождения жизни. На Марсе если жизнь когда и была — она уже отцвела многие миллионы лет назад.

И вдруг сногшибательное, невероятное сообщение из Лос-Анжелоса, центра американской кинематографии, прославленного курорта Америки: в штате Калифорния, в окрестностях Лос-Анжелоса ранним утром в апельсиновую плантацию — сад фермера Лемана, — когда на ферме все еще спали, примчался и глубоко врезался в землю громадный снаряд. Жители фермы, высыпав в ночных костюмах на двор, в ужасе и смятении ждали взрыва снаряда.

Но прошло несколько минут спокойствия и к ним вернулось самообладание и вполне законное любопытство. Они бросились в сад и осторожно подошли к выдававшейся из земли поверхности странного металлического предмета. Цвет его был стальной, он был отполирован, как зеркало. Земля кругом дымила, из чего можно было предположить, что снаряд очень горяч.

О падении странного снаряда тотчас было сообщено по телефону в метеорологический участок и ближайший полицейский. Новость моментально разнеслась по всей окрестности и достигла Лос-Анжелоса. С соседних ферм стали стекаться любопытные, через полчаса на мотоциклетах прибыли полисмены и стали ожидать прибытия городской комиссии, снаряженной Физическим институтом. Снаряд оставался как был, безжизненным, принимая только все более блестящий зеркальный оттенок.

В толпе делались самые разнообразные предположения. Наиболее трезвые указывали, что это просто громадный артиллерийский снаряд с вновь установленных громадных морских орудий на фортах Сан-Барбары.

— Помяните мое слово — это начало войны Америки с Японией. Снаряд не с форта, что очень неправдоподобно, а с японского дредноута, обстреливающего калифорнийское побережье.

— Чепуха! История с Порт-Артуром не может повториться. Снаряд похож скорее на потерпевший катастрофу воздушный корабль.

— Но он вовсе не похож на аэроплан!

— Почему он обязательно должен походить на аэроплан, а не на дирижабль новой, державшейся в секрете конструкции?

К восьми часам утра из города прибыли члены комиссии, представители власти и печати и многочисленная публика. Ознакомившись на месте с подробностями падения снаряда, комиссия принялась за осмотр.

Первым подошел к таинственному снаряду профессор физики, мистер Фримен. Он осторожно дотронулся до еще теплого снаряда рукой, потер его, постучал геологическим молотком, прислушался к хрустальному звону снаряда и недоумевающе развел руками.

— Металл мне неизвестен, и трудно предположить, что он такое. Возможно, какой-нибудь новый сплав.

Настроение присутствующих было приподнятым. С первого же взгляда было ясно, что здесь не обычный артиллерийский снаряд. Скорее всего какой-то летательный аппарат.

— Возможно, что перед нами, — задумчиво потирая переносицу, сказал профессор Фримен, — ракета, которую обещали построить наш соотечественник Годар, немецкий инженер Обер и русский — Ционглинский. Странно только, почему они не предупредили ученый мир о постройке ракеты в начале производства своих опытов. Этого можно ожидать только от русских.

Ракету решили доставить в Лос-Анжелос, оповестив об этом Годара.

Спешно были доставлены трактор и подъемные краны; все в нетерпении вооружились лопатами и приступили к работе. Не приходится упоминать, что ни один момент этой работы не был упущен кинематографическими операторами, которые со всех сторон окружили снаряд.

При ходе раскопки все больше выяснялось, что снаряд действительно представляет собою громадную ракету, близкую к той конструкции, которая в свое время обошла все журналы, представляя фантастический рисунок снаряда, мчавшегося в межпланетном пространстве от Земли к Марсу.

— Странно, очень странно, — бормотал профессор Фримен, принимая деятельное участие личным трудом в откалывании снаряда.

Но самая большая странность была для профессора Фримена впереди. Когда под снаряд подвели цепи подъемного крана, чтобы вытащить его на поверхность, то оказалось, что сила, затраченная подъемным краном, не соответствовала необходимой. Снаряд оказался

настолько легким, что его мог увести трехтонный грузовик.

Возбужденный, с трясущимися от волнения руками, профессор Фримен на все вопросы, обращенные к нему представителями печати, только мог ответить:

— Я ничего не знаю... Предполагаю... боюсь высказать догадку... Это слишком невероятно... Не спешите, мы это выясним...

II

Вслед за первым известием о находке удивительной ракеты из неизвестного легкого металла последовали еще более потрясающие сообщения, привлечшие внимание всего цивилизованного мира.

Были забыты политика, межсоюзные долги, спорт, Лига наций. Взоры всех были обращены к Лос-Анжелосу, где в здании института стоял таинственный снаряд, над которым шла непрерывная работа комиссии экспертов.

Снаряд рассматривали в лупы, обстукивали со всех сторон, пытались осторожно расплавить металл, найти какие-нибудь следы, указывающие, что он имеет составные части, а не представляет собою монолитное целое. Одно было установлено с несомненностью: снаряд должен быть внутри полый. Но все попытки вскрыть снаряд, как уже упомянуто, оказались тщетными.

Кончилось тем, что профессор Фримен предложил отказаться на время от попыток проникнуть в снаряд и выждать. Вилли Уайту, своему ассистенту, он так объяснил свои предположения:

— Если внутри снаряда что-нибудь или кто-нибудь имеется, то оно так упаковано, что не рассчитывает на постороннее вмешательство для своего освобождения.

— Вы полагаете, — спросил Уайт, — что там внутри могут находиться живые существа? Значит, вы думаете...

— Я ничего не хочу думать, ничего предполагать. Я могу только фантазировать, но и то про себя. Скажите пожалуйста, сколько времени понадобится, чтобы снаряд, отправленный с Марса и мчащийся со скоростью, скажем, четырех тысяч километров в час, достиг Земли? Кажется...

— Но это невозможно! — воскликнул Уайт и... остался, как был, с открытым ртом.

Изнутри ракеты донесся высокий, напоминающий комариное жужжанье звук. Все присутствующие замерли. Звук продолжался, то усиливаясь, то ослабевая. Все ждали, что будет дальше. Фримен бросил Уайту многозначительный взгляд.

Около двенадцати часов ночи все посторонние удалились. Остались только дежурные члены комиссии, сторож помещения и спящая в одном из углов помещения собака Фримена. Звуки в снаряде, настойчивые, жужжащие, не прекращались. Вдруг раздался тонкий свист, как если бы из снаряда или в снаряд с силой стал врываться воздух.

Присутствовавшие переглянулись.

Верхушка ракеты начала вращаясь приподыматься, образуя щель. Щель медленно увеличивалась на дюйм, два, три, показывая, что внутри находится еще одна стенка.

Собака Фримена неожиданно вскочила, оцетинилась, глухо завывла. Присутствующих пронизала дрожь, словно из снаряда повеяло резкой холодной струей воздуха. Это ощущение холода было настолько реаль-

но, что все отошли от снаряда на несколько шагов назад.

Была торжественная и жуткая минута — при ослепительном электрическом свете, освещавшем громадное пустое помещение с стоящим посреди него неведомым снарядом. В щели мелькнули какие-то странные рычаги, болты, ящики. Собака одним прыжком бросилась к снаряду, присела, взмылась в воздухе и, завизжав, как от боли, поползла обратно.

Один за другим, неуверенной походкой, шатаясь как пьяные, вышли четыре... Чего? Вышли на коротких металлических ножках четыре металлических ящика с металлическими и как у скелетов конечностями, заканчивающимися клешнями. Над каждым ящиком находился еще небольшой шар, как у водолазов.

Четыре ящика — иначе их нельзя было назвать — остановились у снаряда. Их можно было принять за неведомые машины, и только видимые внутри шара два громадных, фасетчатых, как у насекомых, глаза на фоне меловой белизны чудовищных масок заставляли догадываться, что эти движущиеся металлические ящики — только оболочка, своеобразный водолазный костюм неведомых существ, рискнувших проникнуть в земную атмосферу, жить в которой они совершенно не приспособлены.

Группа людей и неведомых существ долго и молча стояли друг против друга, внимательные, наблюдающие.

Первым пришел в себя от волнения профессор Фримеи. Он сделал несколько шагов вперед, протянул руку и произнес:

— Добро пожаловать, дорогие гости Земли!

Ответа не было. Неведомые существа не двигались, их глаза ничего не выражали. Это становилось наконец невыносимым и должно было чем-нибудь разря-

даться. Профессор Фримен быстро подошел к большой черной доске, висевшей на стене, и быстро начал чертить мелом схему солнечной системы: в центре — Солнце, потом по порядку планеты — Меркурий, Венера, Земля, Марс и т. д. Сделав подробный чертеж, Фримен перечеркнул кружок, означавший: Землю, и, показывая на кружок Марса, вопросительно посмотрел на стоящие четыре металлические фигуры.

Одна из них медленно покачнулась, почти потеряла равновесие, но потом выпрямилась и медленно подошла к доске. Захватив своей клешней мел, она перечеркнула кружок, обозначавший Марс.

Неведомые пришельцы были марсиане.

III

— Странно, вы не чувствуете, господа, — заметил один из присутствующих, — что ваша воля как бы скована?

— Определенно чувствуется, — ответили остальные.

Действительно, все попытки обратиться к марсианам с жестами и словами оставались безуспешными, но зато каждый отчетливо чувствовал, что со стороны марсиан его внимательно наблюдают словно через увеличительное стекло и, что удивительней, как бы гипнотизируют. Например никто, несмотря на попытки, не мог приблизиться к марсианам дальше известного предела в несколько шагов.

— Господа, — обратился к своим коллегам профессор Фримен, — я думаю, пока бесполезно пытаться представиться друг другу и интервьюировать наших гостей. Достаточно того, что есть. Если здесь нет какого-нибудь чудовищного обмана и злой мистификации, то мы стоим перед величайшим событием всей мировой

истории, перед исключительным моментом первого межпланетного общения с ближайшей к нам планетой. Предположение, что на Марсе живут высококультурные существа, блестяще оправдалось. Войти с ними в общение было нашей самой смелой, горделивой мечтой. По некоторым обстоятельствам решение этой задачи с нашей стороны оказалось не по силам. Но мы должны быть счастливы, что наша мечта была угадана марсианами, и они первые поспешили явиться к нам. Остается только приветствовать их появление от имени нашего человечества и выразить удовлетворение, что их спуск совершился в Америке, передовой стране земного шара, а не в пустынях Сахары или джунглях Сибири и Восточной Европы. С своей стороны мы приложим все усилия, чтобы добиться живого общения с нашими гостями и возможно полнее информировать друг друга.

Безмолвно стоящие марсиане, казалось, поняли смысл речи Фримена. Не было уже ощущения холода, исходящего от марсиан в буквальном смысле этого слова, и чувства психического давления. Даже забившаяся в угол собака Фримена встала и начала тереться у ног профессора, все же порою оглядываясь на марсиан и как бы спрашивая людей: «Что это такое?»

Снаружи здания, во дворе института между тем стояла, несмотря на позднюю ночь, многотысячная толпа, ждавшая с нетерпением известий о таинственном снаряде. Ее гул и крики доносились внутрь помещения.

Ничто не говорило, что марсиане что-нибудь слышали и хотя бы жестами общались друг с другом. И все же неожиданно они все вчетвером медленно, волочащей походкой, к изумлению присутствующих, пошли к выходным дверям помещения, напоминавшего собою громадный крытый балкон. Профессор Фримен и остальные члены комиссии последовали за ними.

Все вместе они появились на террасе здания, встреченные ураганом приветствий и криков:

— Марсиане, марсиане! Да здравствуют марсиане!

Какими-то неведомыми путями события последних часов в здании института стали известны толпе, молва которой, оказалось, опередила даже предположения профессора Фримена. Еще ничего точно не было известно, а радио, телефон, телеграф уже успели оповестить весь мир о прибытии марсиан.

Марсиане остановились на террасе перед беснующейся от восторга толпой и застыли. Их странные уродливые головы-шары запрокинулись, чтобы бросить взгляд на глубокое звездное небо, поскольку последнее можно видеть в не имеющем горизонта большом городе. Среди многотысячной толпы мгновенно наступила тишина.

Четыре уродца подняли к небу свои скелетообразные металлические руки.

— Они возносят хвалу богу! — раздался чей-то исступленный женский крик.

Толпа хранила молчание.

Марсиане опустили руки и медленной, тяжелой походкой вернулись на прежнее место. Они приблизились к снаряду и снова повернулись к сопровождавшей их группе людей, долго смотрели на них и наконец один за другим вошли внутрь снаряда. Верхушка снаряда быстро завинтилась, снова раздался свист воздуха, поскребывание, тонкий комариный звук.

Комиссия постановила нести у снаряда круглые сутки попеременное дежурство двух членов комиссии, чтобы иметь постоянное наблюдение за снарядами и его обитателями.

IV

Утром в кабинете директора состоялось срочное совещание комиссии с представителями других научных организаций города, общественными деятелями и выдающимися горожанами.

На повестке совещания первым стоял информационный доклад профессора Фримена, потом доклад филолога Андрию о методах общения с марсианами и наконец доклад общественного деятеля и сенатора Волслея о всех вопросах, возникающих перед обществом в связи с прилетом марсиан.

Предварительно был зачитан ряд полученных со всех сторон старого света и Америки поздравительных телеграмм.

Президент Северо-американских соединенных штатов просил высокоуважаемых членов института передать от имени американского правительства высокопочтимым гражданам Марса поздравления и восторг перед их героическим путешествием, а через них правительству Марса выражение дружеских чувств американской демократии: «Америка гордится, что на ее долю выпало счастье оказать гостеприимство первым путешественникам с Марса».

Сенат телеграфировал о восторге, с которым американская демократия приняла представителей цивилизации Марса. В них сенат надеется видеть первый залог дружбы Америки с народами Маркса.

Совещание после прочтения многочисленных приветственных телеграмм открылось речью директора института.

— Я не буду вдаваться в оценку значения прилета марсиан. За меня это сделают другие. Перед нами стоит практическая и высоконаучная задача — наладить об-

мен мыслями между нами и марсианами. Наша обязанность — во что бы то ни стало разрешить эту задачу. Может быть, придется привлечь для этого выдающиеся силы всего ученого мира Земли. Дело в том, что истекшие двое суток ни на шаг не подвинули нас в ознакомлении с марсианами. Я не буду передавать об остроумнейших попытках обмена мыслями, примененных почтенным профессором Фрименом. Он, может быть, и на верном пути, но его метод требует, на мой взгляд, чрезвычайно много времени. Но я зато уверен, что, несмотря ни на какие препятствия, эта задача будет всеми решена и в частности американской наукой и нашим институтом. Более подробно обо всем этом вам доложит профессор Фримен. Слово за ним.

— Я не вижу причины для скепсиса, — начал обидчивым тоном профессор Фримен, — господина директора. Я считаю, что общение с марсианами уже налажено. Как бы далеко ни отстояли друг от друга два разумных существа, если они познают законы природы, изучают их, у них всегда найдутся общие точки взаимного понимания. Так обстоит дело и с марсианами. Мы начали с астрономических истин и благодаря им установили, что имеем дело с жителями Марса. Кажется, они поняли чертеж теоремы Пифагора. Это дает надежду на то, что в дальнейшем мы можем перейти к истинам математическим, физическим, географическим и таким образом накопить некоторый запас общих понятий и создать опорные пункты.

Профессор Андрию пожал плечами.

— Господин директор прав, — заявил он. — Нам интересно установить у марсиан не только знание высшей математики, в чем мы и не сомневаемся, — мы хотим знать их идеи, убеждения, строй их жизни, их культуру. Дело намного сложнее, чем представляет себе

профессор Фримен. Словесное общение с марсианами, по-видимому, исключено. Остается язык жестов и графики. Но и он возможен только в том случае, если мы имеем в марсианах существа одинаковой, сказал бы я, с нами логики, одинакового строения мысли. Вспомните, как люди разобщены психически с остальным животным миром. Мы очень многое можем подметить у муравьев и пчел, говорить о их удивительных инстинктах, о наличии у них хозяйства и все же не иметь ни одной опорной точки для общения с ними. Боюсь, что нечто подобное мы будем иметь и с марсианами, которые, судя по докладу того же профессора Фримена, по их маске лица и фасетчатым глазам принадлежат к насекомым — высокоразвитым, строящим, делающим предметы, но все же насекомым.

— Вы полагаете? — раздались со всех сторон восклицания.

— Да, полагаю. У них лицевая маска напоминает собою во много раз увеличенную маску осы.

— Так что же вы предлагаете?

— Я не предлагаю, я предполагаю, что всякого рода жесты, зрительные символы приведут лишь к тому, что мы убедимся в интеллигентности марсиан, в знании ими наших математических и астрономических истин. Но математикой не расскажешь особенностей чужого быта, нравов, общественного строя, истории. У нас будет ознакомление друг с другом, но не общение.

— А какую разницу находите вы между ознакомлением и общением? — ехидно спросил Фримен.

— А ту, — быстро возразил Андрию, — что мы будем психически разобщены, и никакая математика не скажет нам, не даст ключа... Мы мыслим не математикой!

Между учеными началась перебранка, которая грозила затянуться до бесконечности, когда профессором

химии Хьюком был неожиданно задан простой вопрос:

— А скажите, как общаются марсиане между собою? Ничего не было здесь подмечено?

— В том вся и суть, — живо ответил профессор Фримен, — что у них нет никаких внешних средств общения, они безмолвны и безгласны, как рыбы.

— Но они все же понимают друг друга? — спросил еще раз Хьюк.

— По-видимому — да. И я припоминаю, что у меня самого все время было странное ощущение, будто они понимают и меня, читают, так сказать, мои мысли.

— Гм, это очень важно!

— Я полагаю, — вмешался молчавший до сих пор Волслей, — что марсиане заинтересованы не меньше, чем мы, в том, чтобы войти с нами в общение. Они явились немного неожиданно на Землю, свалились с неба нам на голову, так пусть и подумают, как беседовать с нами. Не мы явились к ним, а они к нам.

Его устами гласили американский здравый смысл, англосаксонская уверенность, что если кто желает иметь с ним дело, пусть сам идет навстречу.

Ученое собрание в кабинете директора постановило: оставить марсиан в стенах института, внимательно следить за ними и ждать, чем они проявят себя в дальнейшем. Фримену было поручено продолжать свои опыты, Андрию — обучать, если у него имеется к этому возможность, марсиан английскому языку.

Все газеты, собрания, разговоры в кулуарах парламентов, в клубах, за домашним столом только и были посвящены что марсианам. Лос-Анжелос начал напомиать собою город, в котором происходила по меньшей мере всемирная выставка. Места в гостиницах брались с бою, всюду происходили летучие митинги, страстные споры, перед зданием института <не> расходились тысячные толпы. Газеты выходили с аршинными заголовками, державшими читателей в курсе событий каждой минуты.

Поражение насмерть неверующих! Марсиане свидетельствуют о бытии бога. Благодарственная молитва марсиан в день прибытия их на Землю.

Утренняя прогулка марсиан по зданиям института. Марсиане интересуются картой Земли. Профессор Андрию обучает марсиан английскому языку.

Все статьи и заметки сопровождались, конечно, фотографическими снимками и зарисовками вида марсиан, карикатурами, предположениями, фантастическими якобы беседами представителей печати о культуре и общественном строе Марса. Во всех кинотеатрах Америки только и шли полными аншлагами киноленты о марсианах.

Но не только это. Вокруг марсиан начали разгораться и страсти.

Местный рабочий листок «Призыв» высказал робкое предположение, что высокая культура на Марсе неизбежно предполагает и коммунистический строй.

Это предположение было встречено остальной печатью общим негодованием и градом насмешек. Самый сильный, несокрушимый аргумент против заявления «Призыва» был высказан «Воскресным Таймсом» в статье знаменитого проповедника и доктора трех университетов, фундаменталиста, громившего преподавание в американских школах развращающей теории Дарвина, — доктора Маквея.

Какие-то там пропахшие большевизмом неучи из рабочего листка высосали из пальца предположение, что на Марсе осуществлены их дикие разрушительные идеи, отрицающие семью и общество, что там нет религии и собственности. Но будем доказывать, почему коммунизм несовместим с благоустроенным обществом, обратимся к фактам. Это самая упрямая вещь. Мы собственными глазами видели, что марсиане первым долгом перед лицом всего народа вознесли хвалу всемогущему за благополучное окончание путешествия. Пусть писаки из рабочего листка хоть раз в жизни искренне ответят: может ли быть верующий человек большевиком? Никогда! Это дико, бессмысленно — и вот почему. Он признает в мире наличие существа, стоящего над миром, его отца и творца. Как же после этого он может признавать, что в части мира, в его лучшем воплощении, в человеческом обществе можно обойтись без стоящих над ним отцов и творцов? Наши братья по вере, марсиане, признавая бога, тем самым свидетельствуют, что у них имеется и культурное общество, а не какой-то там коммунистический строй.

На это последовал ответ, что о вере марсиан мы ничего не знаем и что легенду о религиозности марсиан

выдумали попы, чтобы использовать пребывание марсиан на Земле для своих слишком земных целей: отвлечь внимание рабочих от их непосредственных задач борьбы.

Следующей сенсацией было посещение марсианами химической лаборатории института. Отчет об этом посещении заимствуем из самой бойкой газеты «Пикчерал»:

Марсиане в лаборатории! Марсиане питаются искусственным белком! Загадка жизни других планет.

Во время обхода зданий и лабораторий института марсиане между прочим посетили и лабораторию профессора Хьюка. Они моментально ориентировались, где находятся, и с присущей им бесцеремонностью, оттолкнув Хьюка и его помощника, набросились на лабораторный матерьял и начали его перебирать, просматривать, исследовать. Перерыв всю лабораторию, они остановились на некоторых веществах и отобрали их в свое распоряжение. При глубочайшем негодовании профессора, сменившемся изумлением, марсиане уверенно начали вести какую-то сложную химическую реакцию, проследить за которой во всех ее подробностях в состоянии был только уважаемый профессор, все время издававший восклицания: «Удивительно! Странно, как это не приходило мне в голову!»

Присутствие многочисленных посторонних лиц, очевидно, стесняло марсиан, и они удалили их самым невежливым и курьезным образом. Как манекены, люди, под влиянием непреодолимой посторонней силы, резко поворачивались лицом к выходу и с удивленным видом, точно подталкиваемые

невидимыми руками, вылетали из лаборатории. Остались только Хьюк, его ассистент, Фримен и корреспондент газеты «Пикчерал».

— Не понимаю, каким образом это могло произойти, — передавал свое впечатление сотрудник «Пикчерала», Джек Гриффин, — но марсиане заставили нас всех помогать им в опытах. Первым сорвался, как посылный мальчишка, мистер Хьюк, проворно начав разыскивать и подавать марсианам нужные им банки, склянки и приборы. Его помощник буквально вылетел в соседнее помещение, чтобы дать ток. Профессор Фримен и я в свою очередь начали носиться по всей лаборатории и подавать марсианам предметы, о которых мы сами не имели ни малейшего представления. Это было сплошным наваждением. Когда в дверях лаборатории появился в сопровождении одного из самых уважаемых лиц в городе директор института, он буквально остолбенел. Хьюк энергично замахал на него руками. Директор не успел занести ногу через порог лаборатории, как проделал на другой ноге полный поворот направо и оказался за дверью. Та же участь постигла и уважаемое лицо.

— Послушайте, да это же чертовщина! Я верчусь, вовсе этого не желая, как волчок! — воскликнул помощник Хьюка.

— Вот вам и полное общение! — воскликнул Фримен. — Пока мы их разгадываем, они полностью распоряжаются нами по своему усмотрению!

— Интересно, чрезвычайно интересно! — бормотал в свою очередь Хьюк, помогая марсианам и напряженно следя за их молчаливой и углубленной работой.

Они получали быстро и точно какие-то соединения.

— Я так и знал, что здесь нужен какой-то катализатор. Но, бог мой, кто мог подумать, что это так просто! Из моей лаборатории выйдет синтетический белок!

Здесь Хьюк начал смеяться, танцевать, нелепо размахивать руками.

Я не слишком понимал, чем, собственно, так возбужден профессор. Я только чувствовал глупость своего положения — быть на побегушках у марсиан. Я хотел было подойти к ближайшему телефону, чтобы позвонить в редакцию, но не тут-то было. Моего желания оказалось мало. Ноги не хотели повиноваться.

Хьюк окончательно сошел с ума, завизжал и, подпрыгивая на одной ноге, бросился обнимать металлические ящики с Марса.

— Нет больше голода! — воскликнул он, оставив без объяснения, что он хотел сказать этими словами.

Ящики-марсиане не обратили внимания на восторг профессора — они ни на что не обращали внимание — и продолжали лихорадочно работать.

Хьюк немного остыл от своего восторга и, глядя на нас через поблескивавшие стекла своих больших круглых очков, удостоил нас целой лекцией.

— Им нужна энергия для поддержания жизни, и они эту энергию в виде пищи добывают непосредственно в лабораториях. Они не нуждаются в том, чтобы их пища созревала на полях. Вот объяснение, почему они могут жить при недостаточной солнечной энергии на Марсе, при низкой температуре Марса. В чем отказала природа, им дает лаборатория.

Марсиане тем временем спешно сделали таблетки из полученного ими вещества и тщательно собрали их, намереваясь унести с собой. Напрасно Хьюк умоляюще сложил руки. Они его не поняли и вихрем вылетели из лаборатории, предоставив нам изумляться их необычной подвижности.

Профессор Фримен в отчаянии всплеснул руками:
— И нет никакой возможности сговориться с ними!

VI

Сообщения, что делали каждый день марсиане, начинали уже надоедать обществу своим однообразием. Оно хотело, чтобы марсиане обучались английскому языку. Марсиане ознакомились с атласом Земли, поняли как будто графические обозначения имен числительных — цифры, начали догадываться, что люди общаются друг с другом жестами, звуками и зрительными изображениями. Все это дало возможность постепенно расширить круг символов общения. Но самым большим триумфом для профессора Фримена было, когда марсиане показали, что они понимают и знакомы с графическим изображением световых, тепловых и электрических волн. В общем можно было установить чрезвычайно много интересного в организации этих пришельцев. Световые волны они воспринимали много шире, чем мы. Они воспринимали в качестве света не только нашу световую скалу, но и ультрафиолетовые лучи, которые мы знаем по фотографической пластинке. Это лишний раз подчеркивало их принадлежность к царству насекомых. Имеются все основания полагать, что земные насекомые также воспринимают ультрафиолетовые лучи.

Оказались для марсиан светом и инфракрасные лучи, воспринимаемые нами только в качестве тепловых лучей. Там, где для нас существовала лучистая тепловая энергия, их глаза видели свет и еще какие-то цвета.

Но звуковые волны для марсиан совершенно отсутствовали. Они не слышали, как мы не видим ультрафиолетовых и тепловых лучей. Атмосфера Марса была слишком разрежена и напоминала земную атмосферу на больших высотах.

Но взамен недостающего у марсиан чувства слуха у них по всем данным было чувство, совершенно отсутствующее у человека. Для наших внешних чувств совершенно не существуют электрические волны, радиолучи. У марсиан оказалось радиочувство.

Этот вывод, к которому пришел профессор Фримен, был самым интересным и но поддающимся нашему пониманию. Радиочувство существовало у марсиан. Оно могло объяснить отсутствие всяких внешних проявлений общения марсиан между собою, странности при взаимоотношениях людей с марсианами вроде истории в лаборатории профессора Хьюка, но было совершенно непредставимо для людей. Оно действительно создавало пропасть между людьми и марсианами, целиком «психически» — по выражению Андрию — изолировало людей от марсиан. Марсиане не только видели, они непосредственно общались друг с другом, их нервные системы представляли отправную и приемную радиостанции. Но как проникнуть людям в идеи марсиан? Дверь казалась запертой. Все как будто зависело от доброй воли самих марсиан и их умения разрешить задачу полного общения с людьми.

И они поняли это желание людей и пошли навстречу. Они заинтересовались телефоном, разобрали радиоустановку, стоящую в стенах института. Первые дни в присутствии этих приборов они вели себя очень странно. Обходили их, останавливались на приличном расстоянии, потом медленно подходили и отходили, словно не рискуя ближе ознакомиться с этими

простыми приборами. Наконец они буквально вцепились в них, передавая аппарат из рук в руки.

Профессор Фримен описывает в своих воспоминаниях всю эту историю следующим образом:

«Это поведение марсиан заинтересовало и меня. Я начал искать, нет ли здесь какого-нибудь связующего звена между нами и ими. Восстанавливаю сокращенно ход своих догадок: марсиане чувствуют присутствие телефона, на расстоянии. Не видя телефона, они обходили или прямо отыскивали его. Последнее время они исключительно занялись им. Но что такое приемник телефона? Трансформатор, преобразователь электрических волн, которых мы не воспринимаем, в звук. Электрическая энергия обратима в другие виды энергии, хорошо знакомые нам. Предположим, что марсиане непосредственно воспринимают электрические волны. Но тогда через эти волны мы можем ознакомиться их с нашими звуковыми волнами, а через них и с нашими мыслями. И обратно — через радиоволны они смогут в телефоне, радиоприемнике передать нам свои мысли. Как поставить здесь опыты? Из их осторожного обращения с источниками электричества можно заключить, что они чрезвычайно восприимчивы к волнам и разрядам электричества. Как обратить внимание марсиан, заставить их выделить из всей бури радиоволн, которые пронизывают наш воздух, и от которых они так или иначе должны отстраиваться, те волны, которые непосредственно направлены к ним? Мы присутствия этих волн в океане эфира не замечаем, пока не наденем на уши трубки радиоприемника. Для марсиан же они — вроде нашего света и бесчисленных земных звуков.

Я решил сделать попытку, предоставив потом поле деятельности своему уважаемому коллеге Андрею с

его страстным стремлением обучить марсиан английскому языку. Я начал сопровождать зрительные образы словами, но передавая их марсианам по радио.

Я указывал им на карте солнечной системы Марс и произносил в громкоговоритель слово Марс. То же и с Землей. Результатов первые дни я не видел никаких, но каково же было мое удивление, лишившее меня в первые мгновенья языка, когда спустя ровно полторы недели после пребывания марсиан на Земле, а их летательного снаряда — в здании института, вечером, в час их обычного появления из снаряда (они избегали дневного света, как ночные насекомые) один из металлических ящиков ясно и отдельно, как из трубки громкоговорителя, произнес, обращаясь ко мне:

— Добрый вечер, мистер Фримен!»

Газеты за эти числа были полны заметок об успехах марсиан в изучении английского языка. Они знакомились с названиями предметов и явлений, запоминая их с первого раза. «Что это такое? Как называется?» — вот слова, которые только в эти дни и слышали от них. Труднее понимались глаголы. Совершенно не понимались многие имена прилагательные, обозначающие качества и оценку предметов, и отвлеченные имена. Одновременно с этим марсиане высказывали жадное любопытство к разнообразным материалам, сосредоточенным в институте. Многие они бесцеремонно брали и уносили к себе в снаряда, впрочем, с тем, чтобы через некоторое время вернуть, но иногда в истерзанном, неузнаваемом виде.

Внутренность снаряда по-прежнему оставалась загадкой, которую марсиане ревниво оберегали. Предполагалось только, что, сохранив у себя в снаряде природные условия своей планеты, они сбрасывают с се-

бя металлические водолазные костюмы и остаются в своем естественном виде.

Пытливо относясь к тому, что связано с Землею, они были в то же время чрезвычайно неразговорчивы, когда им задавались вопросы о Марсе. Они их или не понимали или не могли еще достаточно богато выражать свои мысли на земном языке.

VII

Тем временем в области мировой политики надвинулось довольно значительное, с точки зрения газетчиков, событие: собиралась в который раз говорить о всеобщем разоружении Лига наций. Не один редактор мечтал о том, что хорошо бы было узнать мнение па этот счет марсиан.

— К черту! Они там возьтятся с марсианами, как с дрессированными обезьянами, — ворчал главный редактор «Пикчерала». — Обучают их азбуке и ничего толком не умеют вырвать у них. Эх, этих бы марсиан да нам в руки! Послушайте, Джек, вы парень ловкий, расшевелите-ка этих ученых гиппопотамов, намекните им, что нужно, постарайтесь потереться сами около этих марсиан, выудите у них интервью.

— Но эти марсиане молчаливы, как дубовые доски! — возразил Гриффин.

— Вот новость! Да если бы они были болтливыми, мы послали бы к ним любого мальчишку! Публика интересуется общественными вопросами, а не тем, знают ли марсиане высшую математику. Узнайте их мнение об американской демократии, о запрещении спиртных напитков, о понижении ставок подоходного

налога. Вот это было бы сенсацией! Шевелите, парень, мозгами!

Но и не высказывающиеся по общественным вопросам марсиане выполняли свою «общественную» роль не хуже, чем если бы они говорили. Ведь можно писать не только о том, что думают марсиане, но и о том, что думают о них и какая будущность ждет Америку — первую из земных стран, с которой марсиане вступили в сношения. Нужно подумать о том, как закрепить этот первый прилет марсиан на Землю, как его использовать, и, если возможно, первым установить дружеские отношения с Марсом.

И республиканская и демократическая партии решили не жалеть средств для осуществления этой задачи, выпавшей на долю американской нации.

VIII

Была глубокая ночь.

Помещение, в котором находились марсиане, тонуло в полумраке. По заведенному порядку у снаряда дежурили два члена института. Они сидели в глубоких креслах и вполголоса беседовали между собой. С ними сидел и Джек Гриффин.

Дежурившие были еще молодыми людьми, которые интересовались и последней партией в гольф, и городскими новостями, и политикой, и сплетнями. Гриффин рассказал им несколько свежих анекдотов и историй, ходивших насчет марсиан в городе.

Достопочтенный пастор Маквей серьезно уверял, что марсиане — пресвитерианцы или во всяком случае станут ими, как только ознакомятся с истинами пресвитерианской церкви. Затруднителен был для него

вопрос, имел ли в виду отец, пославший на землю для спасения рода человеческого своего сына, и марсиан или они не нуждались в этом спасении. Выяснить этот вопрос он обещал при первой возможности, когда марсиане достаточно изучат английский язык и прочтут Библию.

Организуется трест — «Компания межпланетных сообщений». Предположено для создания основного капитала, несомненно — очень крупного, привлечь на равных началах правительство и капиталистов Марса. Подписка на акции уже открыта и идет блестяще.

В Лос-Анжелос прибывает представитель Лиги наций, чтобы приветствовать марсиан от имени всего человечества.

Волслею поручено прочесть марсианам краткий курс социологии и истории, из которых они должны будут убедиться, что на Земле все обстоит благополучно, цивилизация шествует вперед, прогресс человечества обеспечен. Конечно, он позаботится доказать марсианам, что американская демократия, шествуя во главе человечества, одна представляет достаточные гарантии мира всего мира и не позволит нарушить его всеми средствами своего военного и морского могущества.

— Вы шутите, Гриффин, очень серьезными вещами. Мы начинаем впутывать марсиан в наши земные дела, и это мне не совсем нравится, — перебил Гриффина один из молодых людей, ассистент профессора Фримена, Вилли Уайт. — Мы совершенно не имеем представления, что это за существа — марсиане, кроме одного, что они дьявольски умные насекомые. Мы не знаем, что у них там на Марсе и их мнение на наш счет. Эти насекомые и машины одновременно кажутся мне порою высшими существами, бесстрастно изучающими нас, как мы изучаем в зверинцах обезьян. Мне становится не по себе. Жутко. Хорошо, что они

нас еще недостаточно изучили, что их сознательно, — да, сознательно... не делайте таких больших глаз, Гриффин, — держат взаперти в стенах института. Представитель Лиги наций, Волслей с курсом социологии и истории, Маквей с своим богословием и фундаментализмом! Но хватает еще, чтобы с марсианами захотел встретиться мистер Инкин, ну, этот рабочий вожак, красный... Глупо, ужасно глупо! Я держал бы этих марсиан за версту от наших политиков, историков, вожakov и социологов. К добру это не поведет. Достаточно им встреч с представителями чистой науки.

— Я знаю, — ответил ему со смехом Гриффин, — этот Инкин уже говорит, что мы прибрали к рукам этих марсиан, чтобы они не узнали о Земле правды, какая она есть.

— Вот этого я и боюсь.

— У этих красных идея, что на Марсе жизнь должна идти по их программе. Я читал на эту тему романы русских большевиков, — сказал Джорджи, второй молодой человек, дежуривший у снаряда.

— Все это порою мне кажется дурным сном или, вернее, кинематографическим сценарием, в котором я играю глупую роль статиста, — задумчиво продолжал Вилли Уайт. — Что им нужно, чего они хотят? Я мало задумывался до сих пор, что же представляет собою человечество, даже современное, и скажу откровенно, оно самому мне начинает казаться изумительно недалеко ушедшим от своих предков ледникового периода.

— Услышь пастор Маквей, что вы говорите, он отнес бы вас к самым зловредным атеистам.

— Подите вы к дьяволу с вашим Маквеем! Очень мне важно знать мнение этого идиота. Я гораздо больше считаю с мнением Инкина.

— Но к чему же сводятся ваши опасения? — спросил Гриффин.

— Во-первых, мне становится неловко за человечество, за господство у него еще детских мировоззрений и порядков. Во-вторых, я склонен больше думать о марсианах не по русским большевикам-романистам, а по Уэльсу, который очень подозрительно отнесся к возможности прилета марсиан на Землю. Он тогда с ними легко разделался. Они у него, натворив разных дел и погубив пол-Англии, перемерли от земных микробов. Не похоже на то, что эти марсиане, — здесь Вилли Уайт кивнул, не поворачивая головы, в сторону снаряда, — погибли от такой штуки. Не погибли и, не сейчас, так в следующий раз, постараются поставить человечество на его место, чтобы стать самим, как мы это говорим, царями природы на Земле и ее хозяевами.

— То, что вы говорите, в высшей степени интересно, джентльмены, — раздался позади них глухой скрипучий голос.

Все вздрогнули от неожиданности и привскочили. Позади них в полумраке стояла металлическая фигура марсианина с направленными на них фосфорическими глазами.

Джек Гриффин, несмотря на неожиданность, и здесь остался верен своей природе американского репортера. Он быстро вооружился записной книжкой и вечным пером.

— Я вас, кажется, немного испугал? — продолжал марсианин, и в голосе его зазвучало что-то похожее на любезность.

— Да, знаете, ваше появление, всегда неожиданное... — проворчал Уайт.

— Нервирует, как вы говорите, — закончил за него марсианин. — Но судя по вашей беседе, я понял, что у

вас существуют на наш счет какие-то опасения. Кстати, передайте профессорам Фримену и Андрию наши искренние поздравления...

— Простите, — сгорая от нетерпения, сказал Гриффин с пером наготове, — я, простите, не знаю, с кем имею честь... не знаю вашего имени, — поправился он, — но я хотел бы задать вам несколько вопросов, если вы, конечно...

— Как меня зовут? Ах да, это ваш земной обычай. Право, я затруднюсь передать вам в звуках, как меня зовут. В звуках — никак. Вы меня поняли?

— Пожалуйста присядьте, — предложил, не зная что сказать, Джордж.

— Для меня это немного затруднительно, но вы пожалуйста садитесь.

— Я продолжаю. Как вам понравилась Земля, ваши первые впечатления и встреча с людьми? Как вы себя чувствуете? — засыпал вопросами Гриффин.

— Боже, — застонал Уайт, — как вы плоски!

— Мистеру марсианину не могут показаться эти вопросы плоскими. Не каждый день жителям Марса приходится приезжать на Землю, — огрызнулся репортер.

— Не стесняйтесь, — ответил марсианин. — Вы, кажется, называете свою страну Америкой? Прекрасная страна! И Земля прекрасна, и вы прекрасны. В том, что вы стали разумными существами, мы убедились, когда получили на Марсе ваши сигналы. Мы давно уже сигнализировали вам, несколько тысячелетий назад, но тогда это оказалось бесплодным — и мы бросили эти попытки. Нас чрезвычайно обрадовал ваш первый сигнал, и мы решили навестить вас. Нас очень интересует Америка и другие страны Земли, ваша цивилизация, и нам хочется ближе познакомиться с вами. Почему же здесь высказано было нежелание, чтобы мы ознакомились ближе с людьми и Землей?

— Это я называю — поставить вопрос ребром! — воскликнул Гриффин. — Вы же, мистер марсианин без имени, можете рассчитывать на мое полное содействие.

— Джек, — раздался предостерегающий голос Уайта, — вы оказываетесь плохим репортером... Простите, мистер марсианин, вы немного не так поняли нашу дружескую беседу. Нас просто интересовал вполне естественный вопрос — что вас заставило прилететь на Землю?

— А что заставило вас сигнализировать к нам, на Марс?

— Хорошо, пусть так. Второй вопрос: что вы думали найти у нас и что нашли?

— Мы так мало знаем Землю и хотели бы ознакомиться возможно подробнее с нею. И вне стен института.

— Вы умеете избегать прямых ответов. Не будем настаивать на них. Ваше желание будет передано. А теперь разрешите поставить вам вопрос. Вы действительно верите в существование верховного существа над миром, то есть бога?

— Ого! — свистнул Гриффин.

— Что это такое? — обратился марсианин к Гриффину.

Тот ответил насмешливой скороговоркой:

— Верить в бога — значит неоспоримо чувствовать и знать, что мир создан и опекается неким существом, которое оказало однажды любезность нашей маленькой планете и послало на нее своего сына Христа, родившегося от девы, чтобы спасти его от греха.

— Это странно, очень странно, — задумчиво произнес марсианин, — но вы мне даете ключ к самому непонятному для нас и в вашем языке и в ваших мыс-

лях. Их так трудно расшифровывать и применяться к ним. Простите, это я должен сообщить моим друзьям.

С этими словами марсианин отступил к снаряду и скрылся в нем.

— Что вы наделали, несчастный! — завопил, теребя волосы, Гриффин. — Вы своими неуместными вопросами поставили себя в смешное положение и испортили мне единственную в мире беседу, которая дала бы миллионный тираж газете. Идиот вы, Уайт, безмозглая пресвитерианская башка! Упустить такую беседу!

— Гриффин, вы сами дурак! Неужели вы думаете, что мне, как пастору, нужна их вера, чтобы окопачивать прихожан? Я поставил самый коренной вопрос, который отвечает на все. Вы этого не поймете. Я теперь знаю, что такое марсиане! Но подите, попробуйте завтра всюду разстрезвонить, что надежды пастора Маквея на пресвитерианство марсиан лопнули, как мыльный пузырь, что спириты — круглые болваны, что марсиане считают нас за непроходимых дикарей. Я не уверен, что вы тогда поместите в своей газете еще хоть одну строчку, оплаченную гонораром. Разве только отчет в листке Инкина. Джордж, позвоните и спешно разбудите Фримена.

Гриффин не стал дольше задерживаться в институте и поспешил в типографию, чтобы поспеть сдать к утреннему выпуску свою статью под заголовками:

Марсиане говорят на приличном английском языке и признательны за то Фримену и Андрию. Они интересуются Америкой и передают привет американской нации от имени марсианской демократии.

О богословской беседе в статье не было упомянуто ни слова.

IX

Профессор Фримен не успевал принимать поздравлений по телефону и письменно с успешно закончившимся обучением марсиан английскому языку. Секретарь Фримена, принимавший эти поздравления, только успевал отвечать:

— Беседа марсиан с Гриффином верна. Вопрос о приеме марсианами депутатий еще не решен, но, конечно, депутатии, с известными ограничениями, будут допущены...

По поводу ночной беседы в квартире Фримена было устроено совещание комиссии. Передав ночную сцену, докладчик Уайт поставил вопрос, как в дальнейшем вести себя с марсианами ввиду высказанного ими желания выйти за стены института и ближе ознакомиться с земной природой и людским обществом.

— Я полагаю, — высказал скромно, но энергично свое мнение Уайт, — что здесь нужен твердо выработанный план. Марсиане хотят не только принимать депутатии и встречаться с представителями чистой науки, но и посещать человеческое общество, его учреждения, предприятия, города, фермы, заводы. Они — наблюдательные существа и, не сомневаюсь, сумеют дать себе точную картину состояния человечества. Готовы ли мы к этому?

— Я отвечаю, — живо возразил Фримен, — что да, готовы, хотя и понимаю, чего опасается Уайт. Для чего же тогда мы старались установить с ними взаимное понимание, как не для того, чтобы расспросить их и познакомить в свою очередь марсиан с нашей умственной жизнью, с нашими учреждениями и нравами? И, смею думать, мы представим им лучшее, что имеется в человечестве: наш самый совершенный государ-

ственный строй, нашу общественную организацию, основанную на свободе и демократии, нашу самую крупную в мире промышленность, наши школы и университеты. Возможно, конечно, что они подметят и недостатки, которые у них уже изжиты. У нас недостаточна еще солидарность народов, не окончательно примирены классы. Но это будет означать, что мы сумеем кое-чему поучиться у них. Имеется одна опасность, что, может быть, у них существуют завоевательные планы, что они — представители межпланетного империализма. Но эта опасность так незначительна, что о ней даже нельзя говорить всерьез. Короче, я предлагаю предоставить марсианам полную возможность широкого ознакомления с Америкой, что может повести только к прочному и длительному союзу двух соседних планет.

— К сожалению, — деликатно возразил Фримену Волслей, — слово ученых — не последнее слово. Некоторые соображения государственного порядка заставляют ограничить вполне приемлемый план профессора Фримена. Эти условия: пребывание марсиан и в дальнейшем в здании института и неослабный контроль членов комиссии, в частности мистера Уайта, при ознакомлении марсиан с общественным строем Америки. Это руководство должно привести марсиан к убеждению в превосходстве американской науки, религии и демократии над всеми остальными странами и народами.

План был принят. Поток депутатий и отдельных посетителей со всех концов мира все увеличивался. Приезжали ученые, политики, представители всевозможных умственных и религиозных течений, чудаки, знатные иностранцы, дельцы, авантюристы.

Марсиане были неумолимы в приеме всех этих посетителей, в объезде всевозможных учреждений и об-

ществ. И если газеты не всегда охотно помещали отчеты об этих приемах и посещениях, то на это были свои основания. Например, достопочтенный пастор Маквей, несмотря на страстные ожидания паствы услышать о принадлежности марсиан к пресвитерианской церкви, оказался очень несловоохотлив и ни единым словом больше не обмолвился о религиозных убеждениях марсиан. Разочарованы были и многочисленные спириты, теософы, мистики.

Марсиане ни одним словом не обмолвились также и о достоинствах американской избирательной системы, конгресса, сената, республики. Возможно, что они мало еще разбирались в политике; это были в лучшем случае талантливые инженеры, люди науки, далекие от общественности. Убийственно непонятливы оказались они и в области экономических и социальных наук. Их вопросы, задаваемые Волслею и представителям общества, свидетельствовали о их полной неспособности понять самые простые явления.

Оправдывалось пророчество Андрию, что в этой области между марсианами и людьми обнаружится полное взаимное непонимание, коренная разница в самом интеллекте и его происхождении. Марсиане, например, не могли согласиться с Волслеем, что последняя мировая война велась во имя цивилизации и спасения культуры от варварской Германии, что она была для того, чтобы больше не было войн. Не понимали они и того, каким образом дальнейшее существование армий и флотов, в частности у Америки, способствует миру. Раздробленность человечества, многочисленные, враждующие друг с другом государства, отсутствие объединенного планового мирового хозяйства они невежливо называли варварской ступенью человечества. Их поражало несоответствие между научными открытиями и завоеваниями человечества с языком, ка-

ким они излагаются, и вообще с обычной речью и строем человеческих языков.

Особенно их поражало, как мы описываем, излагаем словесно любой факт, любое явление. Это их даже смешило.

«Трамвай налетел на автомобиль и разбил его». Кажется, самая простая прозаическая фраза, не вызывающая никаких недоумений. Но марсиане спрашивали, как трамвай может «налететь» на автомобиль и «разбить» его. Разве он живое существо, а не простой механизм, который находится под управлением человека? Что, собственно, произошло — они поняли только тогда, когда Фримен выписал для них сложную физико-математическую формулу столкновения двух твердых тел. И так было во всем остальном: — пока Фримен не выражал события и явления строго математически, научно, марсиане становились в тупик. Только впоследствии они применились к своеобразию выражения человеком своих мыслей, формулировав это следующим образом:

«Если судить по языку, то у людей чрезвычайно странное мировоззрение. Все у них или рождается или делается. Причина явления — его отец или творец. И если бы не их наука, не их математика, где причинность понимается просто как функциональная зависимость явлений друг от друга, мы должны были бы сказать себе, что люди придерживаются невозможных взглядов на свою среду — взглядов, при которых они не в состоянии были бы строить свои машины, заставить двигаться свои механизмы. Лишь теперь мы понимаем, почему у них существует такое странное понятие, как бог. Они не могут себе представить, исходя из наивного понимания причинности, что за миром не стоит его отец или творец».

Вообще все отзывы марсиан звучали так наивно или так парадоксально, что были на руку только красным, этим динамитчикам и нарушителям общественного строя и его мировоззрения. В конце концов они и перекочевали в рабочие красные листки и в первую голову в местный лосанжелосский листок «Призыв». Номера этой газеты приобрели сплошь скандальный характер, стали образцом самой гнусной демагогической и безбожной пропаганды, прикрывающейся авторитетом марсиан.

Молодые люди из американского легиона дважды громили помещение редакции этой газеты, но листок продолжал выходить, становясь все более дерзким. Благонамеренной печатью, конечно, не было допущено в отношении марсиан ни одного резкого выражения, но она уже начала бить тревогу. Нельзя допускать, чтобы какие-то политиканы использовали некоторые неудачные выражения марсиан для своих целей. Недоставало еще, чтобы эти нарушители общественного строя проникли к марсианам и установили с ними связь. Это могло дать самое неверное представление о всей сущности современного человеческого строя в его самой прогрессивной американской форме.

Х

В кабинете Фримена происходило обычное собеседование с марсианами.

Окна и двери на балкон были открыты, и из них открывался изумительный вид на город с красивыми зданиями, многочисленными парками и бульварами. Недаром город служил местом заслуженного отдыха

американской буржуазии, городом наслаждения жизнью и красотами пышной южной природы. Солнце уже зашло и заливало красным пламенем коротких сумерек отдаленный холмистый горизонт. В кабинет проникали смягченные звуки замирающей городской жизни и вечерняя прохлада.

Редко удавалось слышать более блестящий и глубокомысленный обзор Америки, чем тот, который сделал Волслей.

Конечно, у американской нации, как и всюду на земле, имеются элементы здоровые и нездоровые. Сейчас эта борьба здоровых элементов с нездоровыми немного обострена. Гниет Европа, пребывает в варварстве Восток, берут кое-где верх анархические элементы, разлагающие общество. Но незыблемой скалой порядка, свободы и демократии стоит Америка. Она — образец здорового человечества, знающего, куда оно идет. Правда, и здесь есть люди, готовые во имя своих идей посягнуть на общество и ниспровергнуть его. Происходят промышленные конфликты и волнения. Труден путь здорового прогресса, и всегда найдутся люди, которым он нежелателен. Но эта группа людей, пытающихся во имя своих идей использовать временные затруднения общества, не должна интересоваться марсиан. Она ничего не может сказать им. Марсианам предстоит другая достойная их задача. Например, профессор Хьюк в отчаянии, что без некоторой помощи марсиан он не в состоянии повторить их опыта.

На губах Уайта все время играла нетерпеливая улыбка.

— Боюсь, — заявил он, — что простое осведомление о существовании у нас рабочего вопроса — будем называть вещи своими именами — не удовлетворит наших гостей. Мы бы ничего против этого не имели, если бы не слишком, я сказал бы, острое внимание уважае-

мых гостей к нашим вооружениям, к составу общества, к политическому строю и так далее. Мне это кажется сторонним для них делом, отвлекающим от обмена между Марсом и Землей чисто научными знаниями. Мы знаем, какие уже слухи ходят в народе о марсианах, какие ожидания связывают с ними нездоровые элементы. Мы должны прямо и откровенно предостеречь наших друзей марсиан не давать пищи этим элементам. Иначе это будет связано для уважаемых друзей с некоторыми неудобствами их пребывания па Земле — в Америке.

Наступило неловкое и длительное молчание. Профессор Фримен то краснел, то бледнел, пытаясь остановить Уайта.

Слово взял один из марсиан.

— Мы рисковали жизнью, когда вызвались совершить перелет на Землю. Ждали всего. Поэтому можно представить, что мы не из пугливых. Это все, что можно возразить по существу на речь мистера Уайта. Да, мы принесем па Марс, если только там будем снова, известие, что мы нашли прекрасную планету, по сравнению с которой Марс — мертвое кладбище. Мы нашли, как и предполагали, разумных существ. Что же странного в том, что мы стараемся уяснить себе, что такое представляют собою эти разумные существа и степень их цивилизации. Не скроем, мы нашли их на намечающемся уже переходе от одной умственной ступени к другой, к которой принадлежим уже давно мы, марсиане. Доказательством этому еще на Марсе были ваши световые сигналы. Но мы не предполагали, что вы еще так глубоко сидите в старом, а новое у вас только намечается. Вы еще разъединены на народы и стараетесь сохранить это разъединение. Вы ведете войны, отнимаете друг у друга то, что должно принадлежать всем. У вас есть вещи, которые вы всячес-

ки защищаете, называя их собственностью. Это значит, что у вас, несмотря на богатства Земли и ваш ум, этих богатств или не хватает или вы отнимаете их у кого-то другого. Вы боитесь нас, потому что кого-то боитесь у себя на Земле. Иначе ваша боязнь непонятна. Вы — поработители чего-то и кого-то и поэтому подозреваете и нас, что мы можем стать вашими поработителями. Одно время мы думали, что вы порабощаете живые существа не одного с вами происхождения и рода. Но потом мы убедились, что вы порабощаете такие же существа, как и вы. Кто они — мы еще не знаем, но они такие же разумные существа, и мы хотим встретиться с ними. Они — угроза вашему обществу, и мы хотим узнать, чем они угрожают вам. И лишь тогда, когда мы узнаем, кто они, и убедимся, что они действительно ваши враги на тяжелом пути прогресса к высшей ступени развития, мы будем готовы помочь изысканиям мистера Хьюка и передать секрет сплава нашего металла, объяснить нашу передачу энергии на расстоянии и облегчить вам путь к расширению вашей власти над природой. Мы чувствуем, что вы осторожны. Больше — подозрительны. Разрешите и нам отвечать тем же: мы осторожны. У нас есть задача, и пока мы ее не выполним, мы будем осторожны и впредь. Угрозы на нас не действуют, мы достаточно чутки к границам ваших угроз и соответствующим образом вооружены. Вот и все.

XI

Карты были раскрыты. Напрасно Фримен перебежал от марсиан к членам комиссии и обратно. Глаза Волс-

лея не предвещали ничего доброго. Уайт пробормотал сквозь зубы:

— Все это проклятые социалисты!

— Благодарю вас, — быстро ответил марсианин, — мы теперь знаем, как вы называете этих людей.

— Но позвольте! — воскликнул Фримен. — Если пошло на то, я тоже имею право в некотором смысле называть себя социалистом. Здесь произошло печальное недоразумение, совершенно нежелательное. Позвольте мне разъяснить. Не смотрите на меня так дико, Уайт. Я конечно, не большевик, это слишком, но всегда признавал за рабочими право на самоорганизацию и отстаивание своих прав вплоть до политической и экономической борьбы и создания своей партии. В Англии, например, мы уже имели рабочее правительство. По нашим демократическим законам, ничто не препятствует быть президентом далее рабочему, если такова будет воля всенародного голосования. В Германии случилось, что рабочий, по профессии седельник, действительно стал президентом республики.

— И что же? — с интересом спросили марсиане.

— В том-то и суть, что ничего! — победоносно ответил Фримен. — Остался прежний порядок вещей.

— Тогда мы ничего не понимаем!

— Мой бог, что же здесь понимать! — снисходительно ответил Фримен. — Рабочие на собственном опыте поняли необходимость классовой солидарности, поняли, что выше их классовых, рабочих интересов имеются национальные, государственные интересы. Наконец у вас неверное представление о рабочих. Это люди вовсе не поработенные, не рабы. У них все права, что и у господствующих классов, та же свобода. Они живут на плоды своего труда — и это вполне естественно.

— А есть, которые живут на плоды не своего труда?

— Таких людей в американской демократии нет. Мы исключительно трудящийся народ. Все трудятся, только есть же разница и в самом труде...

— Мы это знаем, — перебил его марсианин. — Одних вы называете просто рабочими, других почему-то — отцами, хозяевами, организаторами труда. На вашем курьезном языке вы полагаете, что трудятся и создают только вторые. У вас не рабочие построили пирамиды, здания и дворцы, а Хеопс, мистер Джонсон, инженер Робинсон, битву при Маренго выиграл Наполеон и даже мир создало одно какое-то существо, да еще самым удивительным образом только словом. Нет спора, здесь звучит у вас чрезвычайно высокая оценка значения слова, разума, организации, но тогда нам непонятно, почему работа словом и разумом совместима с тем, что вот этот громадный дом, как мы узнали, принадлежит одному человеку.

Здесь марсианин сделал жест и указал на небоскреб, высившийся вдаль.

— Вот видите, — пожал плечами Уайт, — рассуждают, как форменные социалисты.

— Капиталисты дают возможность рабочим приложить свой труд к созданию этого дома, — поучительно ответил Фримен. — Этого не понимают некоторые элементы и стараются возбудить недовольство. Но вы сами только что слышали, что эти недовольство и недоразумения — причем право иногда бывает и на стороне рабочих — имеются только до того момента, когда обществу начинает грозить опасность. Тогда нет рабочих и хозяев — имеется народ, который может поручить управление собою даже рабочему.

Волслей и Уайт одобритительно посмотрели на Фримена.

— И как в обществе мы стремимся поддержать справедливый порядок между рабочими и хозяевами, так

точно стремимся поддержать мир и среди всего человечества. Американцы — исключительно миролюбивая нация. В этом смысле нужно понимать слова Воллея и Уайта о противообщественных элементах, которые стараются внести раздор в среду человечества. С ними мы боролись и будем бороться...

Последние слова Фримена были покрыты рукоплесканиями всех членов комиссии. Марсиане ничего не возразили, только пробормотали:

— Странное общество, очень странное...

В газетах отчет об этом собеседовании носил, конечно, совершенно другой оттенок, заставивший «Призыв» на время прикусить свой ядовитый язык. Из отчета явствовало, что марсиане — открытые соглашатели, сторонники классовой солидарности и привилегий отцов, хозяев, капиталистов и... как там их называют...

На это «Призыв» ответил лишь: «Долой соглашателей, долой марсиан!» Зато другие органы печати ликовали. Поток приветственных телеграмм снова увеличился. Были они получены от Американской федерации труда, английского Генсовета, немецкого АДГБ, Вандервельде, берлинского «Форвертса» и даже русского «Социалистического вестника». «Форвертс» зачислил марсиан в число своих почетных сотрудников, итальянские фашисты прислали членский билет с адресом, в котором говорилось, что марсиане поняли идеал человеческого общества — необходимость благожелательных, патерналистических (отцовских) отношений между классами. Отозвался даже римский папа, приславший марсианам свое папское благословение, с указанием, что они оказались подлинными христианами, познавшими, что все мы братья и сыны перед лицом бога.

Но самый большой восторг вызвали телеграммы пяти лордов и десяти графов о решении, под влиянием марсиан, войти в «Лейбор парти». В самой Америке один из финансовых королей заявил, что в социализме есть что-то приемлемое и для деловых людей. Они первые готовы строить социализм, если последний будет настоящим делом и окажется пригодным в земных условиях. Стальной король, который на основании евангельских изречений доказывал, еще до прибытия марсиан, что восьмичасовой рабочий день покушается на его законную прибыль и развращает рабочих, которые не знают, что делать со своим свободным временем, теперь на основании текстов того же евангелия стал доказывать, что восемь часов работы необходимы, так как при них рабочие остаются порядочными рабочими и не слушают красных.

XII

В маленькой квартире мистера Инкина собралось несколько человек.

Это были крепкие, грубые люди, не успевшие скинуть с себя своих обычных рабочих костюмов.

Самого мистера Инкина на квартире еще не было. Он заканчивал редактирование очередного номера газеты. В соседней комнате лежала больная жена Инкина.

Присутствующие разговаривали вполголоса.

— Что вы мне говорите об едином союзе, Билль? — горячился один из присутствующих. — Я знаю, по крайней мере, — если меня наняли на фабрику помимо профсоюза, так если я сорвусь, то по своей вине, а не по предательству этих союзных молодчиков. Мы на-

чали стачку, доводим ее почти до победы, как дураки, гурьбой идем в союз, чтобы он помог нам и в дальнейшем защищал наши права — и на тебе! По договору союза с предпринимателем мы должны стать на работу, потому что у союза имеется уже соглашение, и он не хочет ломать его из-за нас. Мало этого, он превращается в настоящий «компанейский» союз, через который предприниматель диктует свои деловые работы на фабрике. И выходит: профсоюз — первый штрейкбрехер и приказчик капиталиста. Не пойду я в такой союз и останусь в своем, хоть небольшом, но революционном.

— Товарищ, вы рассуждаете слепо. Виноват не профсоюз, а люди, сидящие в нем. В профсоюзе должны быть свои люди.

— Попробуйте провести их! В первую очередь вы ознакомьтесь с бесплатной квартирой со столом.

— Я пытался провести в соседнем городе одну из резолюций «Профсоюзной образовательной лиги». Не прошло суток, как меня, с железнодорожным билетом за счет города, вышвырнули за пределы округа, пригрозив, что, если я явлюсь еще раз, мне пересчитают все ребра. А ребята там славные и не раз просили прислать к ним нашего организатора. Но их сбили с толку этими марсианами, будь они неладны! Скажите, ребята, а не новая ли это штука буржуазии и нет ли тут простой кинематографической съемки? Больно подозрительно, что марсианам непонятны насилия и классовая борьба! Как будто законы буржуазии — не сплошное насилие, как будто у них нет таких невинных вещей, как тюрьмы, резиновые палки, черные списки, как будто мы, а не они ведут войны! Черт возьми, неужели марсиане, если они таковы вправду, такие же дураки, как и наши соглашатели, которых водят за нос разные Фримены и Волслеи? Обидно!

— Да как до них доберешься, если их держат за семью печатями и только их и видишь, что на разных банкетах. А любопытно все-таки, как живут на Марсе, и узнать, неужели и там облапошивают нашего брата?

В эту минуту в комнату вошел мистер Инкин.

— А мы здесь снова говорили о марсианах, — сказал ему тот, кого называли Биллем, — и подумали, что недурно было бы добраться до них. Как вы на этот счет, товарищ Инкин?

Последний устало махнул рукой.

— Что толку? Даже если они окажутся понимающими наше дело, то они беспомощны. Да и что им сказать? Что в человечестве кипит борьба? Они это видят, должны знать, но какое им до всего этого дело?

— А я все-таки попытаюсь, — сказал третий рабочий, которого постигла неудача с пропагандой «Профсоюзной образовательной лиги», Джим Гей. — Если они расскажут нам об общественном строе на Марсе — это будет иметь громадное агитационное значение.

ХIII

Марсиане постепенно расширяли круг своих посещений и часто уже покидали здание института. Порою на улицах прохожие видели наглухо закрытые мчавшиеся автомобили и шепотом передавали, что это проехали марсиане. Но простому смертному они были недоступны. Марсиане вращались лишь в «высших сферах».

Джим Гей неотступно изо дня в день следил за выездами марсиан и вошел в переговоры со сторожами института. Те сообщили ему, что марсиане иногда прогуливаются по парку, прилегающему к институту. Но

встретиться с ними очень трудно, так как на это время всех из парка удаляют и с марсианами остаются только господа члены института. Гуляют марсиане главным образом в вечернюю пору, когда спадает дневной свет, к которому марсиане питают отвращение.

Для Джима Гея оставался только один путь — проникнуть незаметно в парк и подстеречь марсиан там.

Несколько вечеров подряд марсиане в парке не появлялись, но наконец Джиму Гею повезло.

Свернув в одну из самых отдаленных аллей парка, он увидал марсиан, которые шли своей странной походкой, медленной и неуклюжей. Очевидно, им все еще приходилось применяться к условиям земного притяжения и соразмерять с ним свои двигательные усилия. Телохранители марсиан держались в отдалении.

Неожиданно марсиане остановились и застыли на месте. Навстречу им из-за громадного бука вынырнула темная фигура и остановила их.

— Товарищи, я хотел бы поговорить о вами, — сказала она. — Это очень важно. Но если меня заметят ваши телохранители, они вышвырнут меня за ворота. Пройдите за мной...

С этими словами темная фигура снова нырнула в темноту деревьев.

Марсиане оставались неподвижно на месте, но зато в парке произошло нечто другое. Телохранители круто свернули в другую аллею, а темная фигура внезапно почувствовала повелительный призыв снова выйти из-за деревьев.

— Кто вы? — спросили марсиане.

— Рабочий, Джим Гей.

— Почему вы раньше не хотели встретиться с нами?

Они окружили Джима Гея, уставившись на него своими светящимися в темноте глазами.

— У меня нет времени, и потому я буду краток. Знаете ли вы, — страстно начал рабочий, — что вы находитесь в стане буржуазии, в стане наших классовых врагов, что вы солидаризировались с ними, что они, пользуясь вами, стараются затемнить нас, ослабить нашу борьбу, убедить всех, что вы — противники нашего пути? Знаете ли вы, что демократия, порядок, религия, даже наука служат им, чтобы оправдать эксплуатацию миллионов человеческих существ? Мы боимся, что вы можете оказать им громадные услуги, снабдив их новыми орудиями порабощения, что вы только обострите наши земные конфликты. А это возможно при нынешних правителях Земли. Может, было бы лучше, если бы вы поспешили вернуться к себе на Марс, дав горестный отчет о нашей Земле и на некоторое время позабыв о ней. Позднее, когда мы снова позовем вас, вы встретите уже освобожденное человечество, которое примет вас с невиданным еще восторгом. Но вы должны сказать нам, чего вы не сказали своим тюремщикам: кто вы, как вы живете на Марсе, что вы представляете собою? Неужели и на других планетах высокоразвитые существа живут так же, как и на Земле, где незначительная часть человечества порабощает всех остальных?

Марсиане слушали эту страстную и сбивчивую речь, как безмолвные и неподвижные машины. Невозможно было проникнуть в их мысли, в их чувства, как они формулировали для себя положение земных дел.

— Вы говорите, что мы в стане ваших врагов? — медленно ответил один из марсиан. — Но как же мы могли бы быть среди вас? Разве вы могли бы предоставить нам то, что предоставляют они: возможность ознакомиться со всеми достижениями земной культуры и наиболее полно ориентироваться в ней?

— Да, пожалуй, вы с своей точки зрения правы, — грустно ответил Джим Гей. — У них все, у нас ничего. И та страна, где мы одержали уже победу, еще не может похвастать теми достижениями техники, культуры, которые вы можете видеть здесь в Америке.

— А разве такая страна есть? — живо спросили марсиане.

— Как, разве вы о ней ничего не слышали? Вам ничего не говорил о ней в своих лекциях ученый, политик и социолог — Волслей? — спросил удивленно Джим Гей. — Ну, конечно, он умолчал, — с насмешкой продолжал он. — Сказать, что есть такая страна, где рабочие свергли их, управляют сами и хотя с невероятным трудом, но строят новый строй, строй нового человечества, — они не посмели сказать об этом.

— Это та страна, которая представляет угрозу всему остальному человечеству, страна варварская, нищая, где господствует тирания большевиков? — последовал вопрос марсиан. — Значит мы все-таки слышали о ней!

— Да, это и есть та страна, — сказал Джим Гей. — Но я вижу огни и слышу беготню. Это ищут вас, а найдут и меня. Я не боюсь, но я должен быть у товарищей, чтобы передать им нашу встречу...

— Идите к себе, идите, все время напрягая мысль: «Я здесь», чтобы мы не затеряли вашего мозгоизлучения. Когда придете к себе, поставьте радиоприемник на самую короткую волну и ждите нашего голоса.

И было пора.

Едва Джим Гей успел скрыться, перепрыгнув через высокую стену, как к марсианам подбежало несколько человек, среди которых находился взволнованный Волслей.

— С кем вы разговаривали? — грубо спросил он марсиан.

Ответа не последовало. Марсиане медленно повернулись и пошли к зданию.

XIV

Джим Гей, выполняя приказание марсиан, старался пробраться на квартиру Инкина возможно прямым путем, все время напряженно, порою вслух, повторяя: «Я здесь».

Голова у него горела, ноги не чувствовали под собою почвы.

Прохожие удивленно оглядывались на него, отпуская шуточные замечания:

— Верно, парень, ты еще здесь и не потерял себя.

Гей ворвался в комнату Инкина и крикнул:

— Доставьте приличный радиоприемник, ставьте его! Я здесь... Иначе вы рискуете, что я не сдвинусь с места круглые сутки.

— В чем дело, Джим? На что вам понадобилось радио и именно у меня?

— Так просили марсиане... Я здесь... и я хотел бы созвать наших парней... Я здесь...

— Это было бы проще в редакции.

— Нет, я никуда не уйду отсюда... Я здесь, я здесь...

— Вы, Джим, окончательно рехнулись со своим «здесь».

— Я здесь... Глупости, Инкин... Я здесь... Когда еще революционер терял голову? Я здесь... Ух, больше не могу!

И Джим бросился на сиденье стула.

Часа через два в комнате Инкина на столе стоял радиоприемник с рамкой и перед трубой громкогово-

рителя сидело несколько рабочих вместе с Джимом, бесконечно повторявшим свое «я здесь».

— Хорошо, товарищ, — раздался голос из трубы, — мы вас слышим.

— Добрый вечер, товарищи, — ответил Джим.

Между снарядами марсиан и лосанжелосским комитетом компартии Америки установилась правильная и постоянная радиосвязь.

С этого дня события начали разворачиваться быстро.

Если можно было не обратить внимания на ядовитую статью в «Призыве» о попытках буржуазии представить марсиан в виде соглашателей, то статья Волслея, напечатанная в один и тот же день в тысяча четыреста семидесяти распространенных американских периодических изданиях, была прочитана с глубоким вниманием всей Америкой. В статье Волслея впервые прозвучали пессимистические нотки относительно дорогих гостей с Марса.

«Никто не будет настолько туп, чтобы преуменьшать значение прилета марсиан на Землю. Для науки это подлинная революция. Марсианами практически решена задача регулярных сношений между планетами нашей солнечной системы. Этим самым и история человечества вступила в новую эпоху, которую необходимо назвать планетарной.

Но все-таки необходимо признать, что ожидания, которые были связаны с благородными мечтами межпланетной дружбы двух высокоразвитых обществ, земного и марсианского, немного преувеличены и страдают излишним оптимизмом. Нужно трезво смотреть на вещи. В конце концов все, что могут сообщить марсиане для ускорения нашего научного прогресса, успешно достигается и нами и только опередило ход вещей и было бы глубоко

противно естественному прогрессу земного общества. С другой стороны, как выяснилось, условия жизни разных планет настолько своеобразны и различны между собою, что во многих отношениях опыт марсиан совершенно неприменим к земным условиям, как и обратно.

Мы воистину существа разных миров, и история нашего развития абсолютно отличается от такой же истории марсиан. Мы пошли по пути индивидуализма и создания творческой человеческой личности, марсиане же — по пути стадности. Не забудем, что они по своему органическому строению напоминают насекомых и развили свойственные им формы жизни, как у нас на земле пчелы, муравьи и т. д. Иные эти формы жизни называют социализмом, коммунизмом. Пусть называют, но для человечества с его развитием в сторону индивидуализма и выделения наиболее приспособленных к борьбе за жизнь в качестве руководителей человеческого общества — это неприемлемо. Что годится для пчел и марсиан, не годится для людей. Мы не можем стать коммунистами».

XV

На глубокие размышления навела и статья в «Воскресном Таймсе» известного биолога Иемфри — «Борьба за существование как планетарный закон».

Охарактеризовав закон борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных как закон, которому подчинены и громадные звездные системы и строение мельчайших атомов, Иемфри установил, что этот закон захватывает постепенно в круг своего дей-

ствия, как казалось ранее, независимые системы. На Земле действие закона борьбы за существование ограничивалось Землей, на Марсе — Марсом. Но сейчас наступает глубоко трагический момент, когда борьба за существование начинается между отдельными планетами. Некоторые планеты только начинают жить, другие живут полной жизнью, третьим грозит гибель. Высокоразвитые существа стареющих планет не находят у себя достаточно средств для продолжения существования и начинают обращать внимание на другие планеты: они будут пытаться захватить их — и горе тем, кто недостаточно силен и не вырос до отпора этим империалистическим притязаниям. Земле необходимо это иметь в виду и соответственным образом подготовиться. Еще недавно возможность, что Земля окажется предметом империалистических вождедений соседних планет, казалась отдаленной, теперь она становится фактом, с которым необходимо считаться...

Недоверие к марсианам было посеяно. Оно увеличилось, когда появилась статья Уайта — «Кто они?»

«Нам неизвестно, — писал Уайт, — с какою целью явились марсиане на Землю под маской друзей. Сами они чрезвычайно скупы говорят об этом, ссылаясь на научные интересы. Но мы сами знаем, что порою скрывается под этими научными экспедициями, посылками миссионеров в неизвестные и «дикие» страны. Кроме красивых заверений со стороны марсиан о дружбе, мы еще, к сожалению, ничего не слышали. Мы вправе отнестись к ним, как «дикари», с подозрением и сказать себе: межпланетное сообщение с Марсом имеет не только великие положительные стороны, но и отрицательные. Не мы будем пока посещать марсиан, а они нас, не мы имеем какие-то виды и интересы на их

планету, а они на нашу Землю. Эти опасения тем более реальны, что строй земных существ им так же чужд и непонятен, как, скажем, нам непонятна демократия советов. Не заключается ли в их пристальном изучении наших государств, народов, различных общественных течений, в их жгучем интересе к нашей организации хозяйства с его институтом частной собственности и семьи, к столкновению человеческих интересов — наличие известного и нежелательного нам интереса? Мы вполне вправе спросить марсиан: «Зачем им это нужно, далеким путешественникам на неведомой для них планете?»

Но все стало ясным, когда появились разоблачения Гриффина о связи марсиан с большевиками.

Доказывалось это рядом выдержек из статей «Призыва», из которых было видно, что красные сумели каким-то образом заручиться доверием марсиан и ложно информировать их о положении человечества.

Вся деловая Америка вскипела негодованием против происков чудовищной московской организации, протянувшей свои щупальца по всему миру, всюду имеющей своих сторонников, подчиняющихся приказам из Москвы. Все это было невыносимо само по себе, но в связи с марсианами это переходило всякие границы.

Некоторые предлагали послать по этому поводу категорический ультиматум советскому правительству, имеющему возможность влиять на внутренние дела других стран. В американский сенат посыпались петиции, требования, запросы. Ответ правительства внес успокоение только в небольшой степени. Оно обещало произвести строжайшее расследование, не нарушая долга гостеприимства к таким исключительным гостям американской нации, как марсиане, и только в

случае подтверждения документами их связи с московскими большевиками применить к ним закон о нежелательных иностранцах.

Это расследование повело лишь к тому, что был арестован Инкин, но общественное мнение не имело уже двух взглядов. Марсиане, эти соглядатаи для порабощения человечества, и для проведения своего адского империалистического замысла, нашли подходящее оружие для выполнения своих грядущих замыслов. Это орудие — коммунисты.

Выразителем этого мнения оказался сенатор Вилькинс:

«Американская демократия, — писал он, — не может допустить, чтобы за ее спиной, нарушая все правила джентльменства и международных обычаев, очевидно, незнакомых пришельцам с Марса, которых, кстати, никто не просил являться на Землю, устраивались заговоры на ее безопасность и безопасность всего человечества, за которое отвечают Соединенные Штаты. Самым лучшим было бы отправить пришельцев туда, откуда они явились. Если же они и не доберутся до своей планеты, то это не наша вина. Тем более, что они и не могли дать гарантии своим согражданам, что обязательно вернуться на Марс».

XVI

Угроза сенатора Вилькинса была слишком прозрачной, чтобы ее не понять.

Но до чего дошла наглость красных!

Инкин заявил при допросе, что, если в нем видят делегата Коминтерна, они правы, поскольку каждый сознательный борец за рабочее дело считает себя этим самым и представителем Интернационала. Но только все же напрасно приписывают ему высокую честь быть официальным представителем этой международной революционной организации рабочих.

О своих сношениях с марсианами мистер Инкин категорически отказался отвечать, указав только, что в интересах самой буржуазии отвечать за целостность и безопасность марсиан, которые не одиноки.

На вопрос, что это может значить, Инкин отвечать отказался.

Это заявление вызвало новый взрыв негодования. Газеты в один голос начали указывать, что пребывание марсиан в стенах института представляется небезопасным. Нация обязана позаботиться об них, уберечь от угроз и подыскать более подходящее место для их пребывания, какую-нибудь отдаленную обсерваторию, где марсиане могут оказать неоценимые услуги астрономии.

К этому времени относятся и знаменитое извещение «Форвертса» об отказе марсианам в звании почетных сотрудников и выходе лордов из рядов «Лейбор партии», вступление в которую они объяснили недоразумением, и многие другие свидетельства переменившегося отношения человечества к марсианам.

За отбытием мистера Инкина на «казенную квартиру» редактирование «Призыва» перешло в руки редакционной коллегии во главе с Джимом Геом.

Он поставил пролетариату штата Калифорнии вопрос: допустит ли он, чтобы буржуазия применила к марсианам репрессии? Тысячами митингов последний ответил: «Не допустит и в случае нужды готов ответить всеобщей забастовкой!»

В кабинете Инкина, но без него, в один из вечеров состоялось обычное собрание. В стороне стоял громкоговоритель, свидетельствовавший, что присутствующими на собрании являются и марсиане.

Джим Гей информировал марсиан о состоявшихся в городе митингах протеста. Теперь рабочим интересно знать, как ко всему этому относятся сами марсиане.

Из трубы громкоговорителя полились ясные, отчетливые звуки:

— Наше положение таково: мы заперты в стенах института. Всякие делегации и встречи с нами прекращены. Мы прочли в мыслях членов комиссии план увезти нас вместе со снарядами в глухое место: форт номер пять, Тихоокеанской береговой обороны. Этот план без нашего добровольного согласия, мы заявляем заранее, неосуществимым, но мы не знаем, что он представляет собою, что скрывается за ним. Просим пояснить нам.

— Это значит только одно — что вы окончательно становитесь их пленниками. Они желают вас обезвредить, изолировать от людей и, возможно, воспрепятствовать вашему обратному возвращению на Марс. Словом, вас хотят лишить свободы.

— Мы поняли. Отправиться на Марс мы сейчас не считаем возможным. Для полетов в земной атмосфере наш снаряд тоже не приспособлен. Могли бы вы помочь нам переправить нас и снаряд в какое-нибудь безопасное место?

Среди присутствующих воцарилось молчание. Его прервал Джим Гей.

— Единственное место, где вы, товарищи, могли бы чувствовать себя свободными — СССР. Но эта страна очень далека, и путь туда труден. Мы не представляем

себе, как мы можем доставить вас туда и как высвободить из стен института.

— Этого и не требуется. Мы готовы к тому, чтобы выбраться из института, и сделали все приготовления. Мы в состоянии перебраться с нашим снаряжением в не слишком отдаленное от города место, в выбранном вами направлении, если вы, конечно, в состоянии найти нас там и переправить дальше.

— О, это мы можем устроить в самый короткий срок.

— Например завтра?

— Хорошо, мы будем готовы на завтра.

— На каком расстоянии быть нам от города и в каком направлении?

— Удобное место милях в тридцати от города, по западной дороге к морю, направление северо-запад, в каменоломнях, где мы предупредим наших товарищей-рабочих.

— Поздно! — раздался вдруг отчаянный крик из трубы.

Все замерли.

— Действуйте, действуйте не медля ни минуты! — вырывались из громкоговорителя торопливые звуки. — Мы в осаде. Близко к нам они еще не могут подойти, но они бросают на нас невыносимые электрические разряды, от которых мы не в состоянии отстроиться, которые могут нас испепелить. Скорее, скорее, мы отступаем, мы в снар...

Голос в громкоговорителе осекся на полуслове и замер.

Находящиеся в квартире Инкина рабочие неподвижными глазами уставились в отверстие рупора, которое только что рассказало о совершающемся в стенах института преступлении. Несколько мгновений никто не мог прийти в себя. Первым опомнился Джим Гей.

— Медлить, товарищи, нечего! Что еще можно сделать — сделаем. Мы должны быть в каменоломнях.

Как сумасшедшие, опрокинув столы, рабочие опрометью выбежали на улицу и исчезли в темноте.

XVII

Гриффин передает последние минуты пребывания марсиан в стенах института в следующих выражениях:

«...Человечество может вздохнуть наконец полной грудью. Марсиане не будут более тревожить его кошмаром своего пребывания на Земле, среди американских граждан, имевших несчастье оказаться в роли хозяев нежелательных гостей. Снаряд с марсианами покинул Землю. Произошло это при самых драматических обстоятельствах. По некоторым соображениям, марсианам решено было предоставить более удобное и тихое местопребывание, чем Лос-Анжелос и его институт, который не вполне подходит по своей обстановке для научных целей ознакомления с марсианами. Но попытка перевезти марсиан с их снарядами разбилась об их упорное и ничем не объяснимое сопротивление. Они воздействовали на всякого, кто приходил с ними в соприкосновение, своей удивительной способностью подавлять чужую волю и внушать свои желания. Какое опасное оружие! Но, к счастью, земная наука оказалась в состоянии противодействовать марсианам. Для яда найдено было противоядие. И на этот раз честь изобретения принадлежит профессору Фримену. Он стал искать средство, нарушающее влияние марсиан, по тому принципу,

по которому одна радиостанция подавляет волны другой радиостанции.

Было отмечено, что марсиане избегают подходить к токам высокого напряжения, имеющимся в институте. Этим был дан ключ к парализованию их радиочувства.

Когда марсиане отказались от добровольного переезда, на них были брошены волны громадного напряжения и силы. Результат был удивительный. Марсиане поспешили, издавая ужасные стоны, спастись бегством в снаряд.

Решено было захватить самый снаряд с находящимися в нем марсианами и перевезти в намеченное место, не рискуя подвергнуться влиянию марсиан, тем более, что стенки снаряда оказывались непроницаемыми.

Но чувствуя себя побежденными, марсиане решили сразу разрубить создавшийся узел и улететь с Земли восвояси.

В тот момент, когда сторожа уже собирались поднять снаряд, чтобы перенести его на соответствующим образом оборудованный грузовой автомобиль, послышался резкий свист, от снаряда повеяло, как в первые дни, резким холодом, хлынули волны какого-то неведомого газа, представляющего собою, очевидно, двигательную силу для снаряда-ракеты, у присутствующих перехватило дыхание. Раздался взрыв, люди попадали на пол в обморочном состоянии, а когда очнулись и пришли в себя, снаряда в здании уже не было. Пол под снарядом был разбит, и в стеклянной стене на запад было пробито отверстие. Находившиеся вне здания тоже слышали взрыв, после которого над их головами в одно мгновение пронеслось со свистом что-то громадное».

Марсиане, как видим из этого отчета Гриффина, как неожиданно появились, так неожиданно и улетели. Все их пребывание на Земле казалось теперь каким-то сном. Астрономы усердно наблюдали все участки неба, чтобы подметить летящий в мировом пространстве снаряд, по безуспешно.

Совершенно незаметно промелькнуло спустя три дня после отлета марсиан и сообщение о переменах в редакции «Призыва» и исчезновении Джима Гея.

Обратил на это внимание только один Гриффин.

— Что за чушь, — ответил ему редактор, когда Гриффин указал последнему на странное совпадение — исчезновение марсиан и красного редактора. — Тем лучше, может быть, они его взяли с собою, чтобы он на месте убедился в прелестях коммунистического строя на Марсе. Туда ему и дорога!

Шутка редактора не убедила Гриффина. В газетном мире он был свой человек и не мог не заметить, что в ночь исчезновения марсиан номер «Призыва» вышел ужасно небрежно. А это свидетельствовало, что Джим Гей выехал куда-то очень спешно, не оставив заместителя.

«Какая-то связь здесь есть, — рассуждал про себя Гриффин. — Гей исчез одновременно с марсианами. Гей в снаряде не могло быть. Проследим».

Ему не хотелось так скоро покончить с марсианами и оставить их на долю глубокомысленных коллег из научных журналов. Удалось установить, что за несколько минут до исчезновения снаряда марсиан от квартиры Инкина, служившей, как известно, штабом красных, бешено помчались два автомобиля. Нарушая все правила быстрой езды, они пронеслись по городу и понеслись по Западному шоссе. Чтобы остановить автомобили и привлечь шоферов к ответственности за недозволенно быструю езду, за автомобилями помчал-

ся на мотоциклетке полисмен № 385. Но на первой миле за городом у мотоцикла лопнула шина, и полисмен вынужден был только записать номер одного из провинившихся автомобилей — 11 447.

Когда полисмен еще возился над шиной мотоцикла, над ним со свистом артиллерийского снаряда пронесся на большой высоте громадный, как он его назвал, «чемодан». Это его удивило, но потом, когда он услышал об отлете марсиан, вполне удовлетворило.

Поиски полицией собственника автомобиля 11 447 тоже остались безрезультатными. Это был какой-то Джонсон, которых в одном Лос-Анжелосе было несколько тысяч и который уже неделя как выехал из города, не оставив сведений, кому он уступил свой автомобиль. Полиция вынуждена была удовлетвориться тем, что есть.

По Западному шоссе даже в ночное время проезжали в оба направления сотни автомобилей, и поэтому след двух автомобилей казался совершенно затерянным.

Но Гриффин решил не прерывать своих поисков. Он поместил в газетах объявление с просьбой сообщить, в каком месте и на каком расстоянии от города в последний раз слышался свист артиллерийского снаряда.

Получилось около сотни ответов, большею частью совершенно не относящихся к делу, вроде предложения одной американки обменяться с Гриффином фотографическими карточками и начать переписку об индусской философии. В половине ответов указывали все четыре направления и уверяли, что слышали с неба музыкальные звуки улетающих марсиан, и только два ответа говорили, что свист артиллерийского снаряда был слышен над каменоломнями. Гриффин остановился на последних показаниях, тем более, что они совпадали с направлением полета снаряда и пробегом

двух автомобилей, и решил лично отправиться на каменоломни.

Здесь его ждало кое-что новое.

Он узнал, что за карьером № 93, среди песчаных холмов, около полуночи взлетело несколько ракет. К месту пуска ракет бросилось несколько рабочих, которые долго не возвращались. Спустя некоторое время туда же промчались два автомобиля.

Больше Гриффин не мог собрать никаких сведений. Рабочие набрали воды в рот и упорно отмалчивались. Приняв его за сыщика, они по-дружески порекомендовали ему скорее убраться подобру-поздорову. Это не помешало Гриффину тщательно исследовать песчаные холмы. Но прошло уже несколько дней, и среди ям и отвалов было трудно найти следы упавшего снаряда.

Гриффин решил провести исследования по направлению к морскому берегу, расспрашивая, не видел ли кто подозрительного груза. Увы, по Западному шоссе ежедневно проезжали тысячи грузовиков с разнообразным грузом.

Решение мучившей Гриффина загадки нашлось в порту Сан-Барбара. Сюда из Лос-Анжелоса прибыл громадный сигарообразный ящик, который был сдан на небольшой пароход «Ред стэр» («Красная звезда»). Пароход успел уже отбыть в Японию, имея у себя на борту пассажиром Джима Гея из Лос-Анжелоса.

Теперь Гриффин не сомневался, что его догадка оправдалась полностью. Марсиане и не думали отправляться на Марс, сговорились о своем бегстве с большевиками Лос-Анжелоса и сейчас на пути в страну большевиков.

Все это им было доложено редактору «Пикчерала». На этот раз последний внимательно выслушал Гриффина и спросил:

— Что же вы намерены делать и как нам поступить?

— Опровергнуть убеждение, что марсиане летят в безвоздушном пространстве к себе на Марс, оповестить весь мир, что они вместо этого спокойно пересекают Тихий океан, а дальше уже дело заинтересованных правительств.

— Да, но у вас это только предположения и никаких твердых доказательств. Где они?

— Я готов их добыть, если редакция уполномочит меня на это.

— Вы готовы ехать к большевикам вслед за марсианами?

— Да, — твердо ответил Гриффин.

— Смелый вы человек, я вам завидую. Поехать в страну чрезвычайки. Брр! Но если вы не отказываетесь, редакция готова оплатить ваши расходы. А пока — молчок. Я не хочу ставить свою газету в неловкое положение.

XVIII

В «Пикчерале» появился только намек, что предположение об отлете марсиан может оказаться преждевременным, и сообщение, что сотрудник этой газеты едет в СССР. Мудрому этого должно было быть достаточно. Были рассказаны и странные истории о некотором артиллерийском снаряде, который при страшно небрежном осмотре таможенной полиции в Сан-Барбара был погружен на «Ред стэр» (какое символическое имя!). Пароход же взял курс на Владивосток, так как его груз состоял главным образом из сельскохозяйственных машин, закупленных СССР.

Маршрут Гриффина был совершенно противоположный. Он выехал на Нью-Йорк, чтобы пересечь Ат-

лантический океан и попасть в СССР через Берлин и Ригу.

История с марсианами уже начала забываться. У человечества были свои дела, чтобы долго останавливаться на одном каком-нибудь событии, которое уже в прошлом.

Можно поэтому представить себе то ошеломляющее впечатление, которое произвела на американцев краткая телеграмма Гриффина о приезде марсиан в Москву. Эту телеграмму подтвердило и Восточно-европейское агентство, помечающее все события о жизни СССР скромным указанием: «Дано из Риги». Этого было достаточно, чтобы общественное мнение двух материков не сомневалось в правдивости передаваемого известия.

К президенту Соединенных Штатов полетели тысячи телеграмм с требованием, во имя человечности и милосердия, вырвать марсиан из рук большевиков, которые коварно захватили их в плен.

Цивилизованное человечество, — говорилось в одной из телеграмм, — не может потерпеть, чтобы марсиане оказались потерянными для человечества и выдали свои тайны в подвалах ГПУ.

Подобного рода телеграммы были получены и правительствами других государств, Лигой наций, учеными и художественными обществами.

Одновременно с телеграммами усилилась и бешеная кампания против СССР в мировой буржуазной печати.

«СССР сейчас, как никогда раньше, составляет угрозу всему миру. Пребывание в ее пределах марсиан чревато чрезвычайными последствиями, кото-

рые необходимо предупредить заранее, чтобы потом не было поздно. Большевики — изумительные мастера пускать пыль в глаза и сумеют так обойти простодушных марсиан, что последние окажутся простыми игрушками в их руках».

Вся эта кампания повела к тому, что начали упорно ходить слухи о том, что одно из правительств готовит советскому ноту с требованием выдачи марсиан цивилизованному человечеству. Передавался даже текст этой, еще не отправленной ноты.

Все это вынудило прибегнуть к разъяснительной информации, помещенной в некоторых заграничных газетах, в которой, не подтверждая и не отрицая факта прибытия марсиан в СССР, указывалось, что, поскольку известно, марсиане вынуждены были сами бежать от гостеприимства американцев и что большевики во всяком случае не откажут им в последнем, так как они не совершили никакого уголовного преступления, которое требовало бы их выдачи, и все зависит от самих марсиан, где им жить и куда ехать.

Вся же международная шумиха вокруг марсиан только доказывает, что буржуазия обманулась в своих ожиданиях использовать марсиан для целей, ничего общего не имеющих с целями культуры, и сейчас негодует, что добыча ускользнула.

Это разъяснение было сочтено открытым вызовом, на который и был дан единственный разумный ответ, подчеркивавший вместе с тем глубочайшее миролюбие мировых держав: Польше, напрасно обивавшей пороги о предоставлении ей займа для несения культурной миссии на Востоке, последний был немедленно предоставлен в тройном размере, главным образом военным снаряжением, на том основании, что безо-

пасней всего его хранить на складах держав, ближе всего служащих делу мира.

В этой тревожной международной обстановке сами марсиане незаметно отошли на задний план. Восточно-европейское агентство при всем желании не могло сказать о них ничего достоверного. Молчал и Гриффин, канувший, как в воду, после приезда в Ригу, откуда он послал свою знаменитую телеграмму о «воскресении» марсиан.

Одними это истолковывалось как свидетельство, что марсиане действительно сидят в ГПУ, а Гриффин расстрелян, другими — как очередная утка в дипломатической игре. Шутники уверяли, что под Марсом и нужно подразумевать СССР, а под марсианами... но это предположение было уже слишком нелепым. Марсиане начали окутываться тайной.

XIX

— Алло, Джим Гей!

— Вы? Гриффин! Здесь в Москве! Какими вас принесло сюда судьбами?

— Я так и знал, что вы окажетесь здесь. А где же ваши марсиане?

Джим Гей улыбнулся.

— Разве здесь для вас так мало интересного, что вы только и помните о марсианах?

Гриффин сразу стал серьезным.

— Если вы уделите мне немного вашего времени, я буду вам благодарен. Вы правы, я уже чувствую себя на новой планете.

— Тогда приходите вечером. Позвольте, я вам дам адрес.

Гриффин от нетерпения едва дождался назначенного часа и ровно минута в минуту постучал в двери комнаты Джима Гея. Ему послышалось, что Гей с кем-то разговаривал, но когда вошел в его комнату, там никого не было.

— Вас моим друзьям представлять не придется. Они вас хорошо помнят. Помните Гриффина, репортера, который, как вы говорили, порядочно надоедал вам? — обратился куда-то в пустой угол Гей.

Гриффин потер от недоумения руками глаза.

— Гей, кого вы мистифицируете?

— Здравствуйте, мистер Гриффин, — раздался хорошо знакомый ему голос, от которого он вздрогнул, — мы вас сразу узнали. Все-таки выследили нас?

— Что это значит? — пробормотал Гриффин.

— А просто мы беседуем на досуге с... Может быть, вы их узнаете? Здесь Гей повернул какой-то выключатель; угол, из которого раздавался голос, затуманился, расплылся, и перед Гриффином вырисовывались четыре знакомых ему фигуры марсиан в большой просторной комнате, уставленной книгами и приборами, и с видом через широкую балконную дверь на широкий простор, где зелеными излучинами вилась река.

Это было еще поразительней. Гриффин великолепно знал, что он только что вошел в квартиру, находящуюся на одной из центральных улиц Москвы, а здесь у него впечатление, как будто он волшебством перенесся в красивую загородную местность с типично русским видом простора и далее.

Гей с улыбкой наблюдал удивление Гриффина и только бросил:

— Телерадио! Мои друзья марсиане предпочитают не двигаться с места, когда хотят встретиться и побеседовать со своими друзьями. Затруднение в этом, как видите, они устранили довольно удачно.

— Но ведь это же полное уничтожение пространства! — воскликнул восторженно Гриффин.

— А это восклицание вы отнесете к ним, — кивнул Гей на марсиан, стоявших четырьмя нелепыми металлическими ящиками.

— Вы будете нас... как это?.. интервьюировать? — спросил один из марсиан, и в его голосе Гриффину почудилась необидная насмешка.

— Нет, нет, — замахал руками Гриффин. — Я только чрезвычайно рад встретиться с старыми друзьями, которые, как я вижу, — прибавил он осторожно, — чувствуют себя великолепно.

Но изменить своей привычке газетного работника, чувствующего сенсационный материал, было выше сил Гриффина. В его голове теснились тысячи мыслей и вопросов. Марсианам не приходилось догадываться о них. Словно отвечая на его мысли, один из марсиан сказал, обращаясь к Гею:

— Вы можете поздравить нас, Гей. Мы добились того, что нам ответили с нашей планеты. Пока это простое поздравление, что с нами все благополучно.

— Вы хотите сказать, что обмениваетесь с Марсом радиовестями? — воскликнул Гриффин. — Но это невозможно!

— Почему? Мы послали волны, приближающиеся по своей длине к световым волнам. Вы пользуетесь волнами длиной в десятки и сотни метров, мы — миллионными долями метра. Только они и в состоянии преодолеть межпланетное пространство, вырваться из земной атмосферы. Мы условились об этом еще при нашем отлете с Марса, но выполнить смогли только сейчас. Надеемся через несколько дней окончательно наладить нашу связь и сделать свой предварительный доклад. О, для наших земных друзей он секретом не будет.

«Узнать его! — мелькнуло в голове Гриффина. — Узнать, во что бы то ни стало».

— Да, да, мы передадим привет от освобождающегося человечества.

«Большевиком» — подумал Гриффин. Но сейчас эта мысль ему показалась вполне естественной. Так оно и должно быть. Он кое-что видел, кое-что узнал.

— Мы скажем, что человечество на одной шестой части земной суши, в стране Пятилучевой красной звезды (земной символ нашей планеты), строит жизнь объединенного человечества.

«Социализм», — добросовестно отметил про себя Гриффин.

— ...без отцов-хозяев, удерживающих еще у себя поработенные массы фикцией, что они вместе с поработенными принадлежат к одной семье...

«Буржуазия с ее национальным государством», — перевел про себя Гриффин.

— ...без мировоззрения, что человеческое общество не может жить без них, от которых зависят и жизнь, и благополучие общества, и его богатство...

— Без религии, — пробормотал Гриффин.

— ...Что человечество накануне великих боев за свое окончательное освобождение...

— Накануне мировой социальной революции, — кивнул головой Гриффин.

— ...что мы с величайшим волнением следим за развертыванием этой борьбы...

«Но что им до нее?» — не утерпел подумать Гриффин.

— ...ибо это не только «внутренний» вопрос Земли, в котором заинтересована она одна, но и планетарный, вопрос товарищества всего живого.

— Послушайте, Гей, когда вы собираетесь обратно в Америку, к себе в Лос-Анжелос? — неожиданно спросил его Гриффин.

— В самом непродолжительном времени, — удивленно ответил Гей на вопрос.

— Видите ли, — замялся Гриффин и решительно закончил: — Мне кажется, что я смогу работать там с вами. И у вас!

— Мы не отказываемся от людей, убежденных в правоте нашего дела.

На самой высокой астрономической обсерватории, в Андах, в Южной Америке, на фотографической пластинке, заснявшей участок неба, в котором находился сейчас Марс, одна из звезд была затемнена маленькой точкой. Трудно было сказать, что она такое. Большая правдоподобность была за предположением, не вторая ли это луна Земли, которую до сих пор тщетно искали на небе. Начали искать точку в трубу и действительно нашли ее мчащейся с громадной скоростью по направлению к Марсу. Здесь вспомнили о нашумевших несколько лет назад слухах, будто бы на земле были марсиане. Известие о мчащемся к Марсу снаряде промелькнуло в газетах как-то незаметно. Но что значила эта новость наряду с телеграммами, говорившими о назревании новой грандиозной империалистической бойни с ядовитыми газами, лучами смерти, огненными дождями?

Просматривая, что выбросить из набранного уже газетного материала, ввиду того, что в последнюю минуту в редакцию поступило воззвание Коминтерна о предотвращении империалистической войны гражданской войной, Гриффин наткнулся на короткое сообщение о марсианах. Он повертел его в руке и, пометив: «Выбросить», обратился к Джиму Гею:

— Кстати, нужно будет сообщить жене Инкина, что наша делегация на Марс чувствует себя в снаряде превосходно. Инкин жив и здоров.

— Неудачно выбрали время для отъезда, — проворчал Джим Гей.

— Кто же знал, — пожал плечами Гриффин. — А впрочем, мы уже готовы.

Повесть публикуется без сокращений по изданию
1927 года. Исправлены очевидные опечатки и
устаревшее написание некоторых слов.
На фронтиспise – обложка издания
1927 г. (худ. И. Француз).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.